

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
"Российский университет транспорта"

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство.
Социология. Культура

Выпуск №4(87)

Июль-Август

Москва
2021

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор) Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.),
Анисимова Т.Г. (заместитель главного редактора, д.с.н., профессор), Евлаев А.Н. (ответственный секретарь, к.пол.н., доцент),
Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор), Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор),
Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Минералов В.Ю. (к.соц.н.)
Рожкова Л.В. (д.соц.н., профессор)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: РУТ (МИИТ), 2021. – Вып. №4(87). – 105 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ))

The editorial board

Marshak A.L. (Chief Editor, Ph. D., Professor), Gorbunov A.A. (the first Deputy Chief Editor, D. P. N., Professor), Sergeev V.K. (Deputy Chief Editor, Doctor of Social Sciences), Anisimova T. G. (Deputy Chief Editor, Doctor of Social Sciences, professor), Evlaev A.N. (Executive Secretary, Candidate of Political Science, Associate Professor), Kravchenko S.A. (Doctor of Philosophy, Professor), Kretov B.I. (Doctor of Philosophy, Professor), Ksenofontov V.N. (Doctor of Philosophy, Professor), Mineralov V. U. (candidate of Social Sciences), Rozhkova L.V (Doctor of Social Sciences, Professor).

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.): scientific and socio-cultural journal: M.: RUT (MIIT), 2021. – Edition 4(87). – 105 p.

Scientific, social and cultural magazine "P.O.I.S.K." is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestationion Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 1 Dec 2015 No. 13-6518.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Russian university of transport (RUT (MIIT))

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

Горбунов А.А.

Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института РУТ (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н.

Член-корреспондент РАН, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н.

Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Зубок А.Ю.

Доктор социологических наук, профессор, член Экспертного совета ВАК

Запесоцкий А.С.

Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Кулашик Петер

Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Маршак А.Л.

Главный научный сотрудник ИС РАН - ФНИСЦ РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Миронов А.В.

Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Чупров В.И.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН - ФНИСЦ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Шабров О.Ф

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

Шувакович Урош

Член-корреспондент Сербской академии образования, профессор Белградского университета, кафедра философии и социальных наук

COMMUNITY EDITORIAL BOARD
Co-Chairmen of the council

Gorbunov A.A.

Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities RUT (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Ivanov V.N.

Corresponding Member of ISRAS - FCTAS RAS, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

Vdovichenko L.N.

Doctor of Social Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Political Sociology Russian State Humanitarian University, a member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission

Zubok A.Ju.

Doctor of social Sciences, Professor, member Of the expert Council of the higher attestation Commission

Zapesotskiy A.S.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Kulashik Peter

Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia

Marshak A.L.

Senior Researcher of ISRAS - FCTAS RAS, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Mironov A.V.

Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Narbut N.P.

Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia

Smolin O.N.

Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the RAO, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma

Sosunova I.A.

Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor

Chuprov V.I.

Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS - FCTAS RAS, honored worker of science of the Russian Federation

Shabrov O.F.

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

Shuvakovich Urosh

Corresponding Member of the Serbian Academy of Education, Professor of the Belgrade University, Department of Philosophy and Social Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

- КОЧЕТКОВ Е.Е.** К вопросу о типологизации автономий в составе современных государств.....12
- ФЕДЯКИН А.В.** Государственная политика РФ в отношении городского пассажирского транспорта: приоритеты и перспективные направления.....21
- ФЕДЯКИН И.В.** Основные направления государственной информационной политики в документах стратегического целеполагания РФ.....30

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- ВОЛОГИНА Е.В.** Социальный аспект литературного творчества: значение для общества и институциональная обусловленность.....41

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- КЛИМЕНКО Л.В.** Динамика групповой идентичности населения Юга России в контексте социальной интеграции макрорегиона....50
- ВЕРЕЩАГИНА А.В.**
- БУДАЕВ П.Е.**

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

- ЛУЦЬКАЯ Е.Е.** Обеспечение безопасной коммуникации детей в интернете как задача современной российской школы.....59
- КОНОПЛИН Ю.С.**
- РЫБАКОВ А.В.** Миграционная политика ЕС: новое нормативно-правовое измерение.....69

АСПЕКТЫ

- КУБЯКИН Е.О.** Некоторые аспекты подготовки к гибридным войнам современности....79
- СКВОРЦОВ И.П.**
- ГУБАРЕВ В.В.**
- РОЖКОВА Л.В.** Политические и экономические аспекты развития российско – китайских международных отношений на современном этапе.....90
- ДУБИНА А.Ш.**

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.....	99
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ.....	101

CONTENTS

POLITICS AND SOCIETY

<i>KOCHETKOV E.E.</i>	On the question of the typologization of autonomies within modern States.....12
<i>FEDYAKIN A.V.</i>	State policy of the Russian Federation towards urban passenger transport: priorities and perspective directions.....21
<i>FEDYAKIN I.V.</i>	Basic directions of state information policy in strategic planning documents of Russian Federation.....30

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>VOLOGINA E.V.</i>	The social aspect of literary creativity: significance for society and institutional conditionality.....41
-----------------------------	--

REGIONAL SOCIOLOGY

<i>KLIMENKO L.V.</i>	Dynamics of group identity of the population of the South of Russia in the context of macroregion's societal integration.....50
<i>VERESHCHAGINA A.V.</i>	
<i>BUDAEV P.YE.</i>	

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

<i>LUTSKAYA E.E.</i>	Ensuring safe communication of children on the internet as a task of a modern russian school.....59
<i>KONOPLIN YU.S.</i>	
<i>RYBAKOV A.V.</i>	EU migration policy: a new regulatory dimension.....69

ASPECTS

<i>KUBYAKIN E.O.</i>	Some aspects of preparation for modern hybrid wars.....79
<i>SKVORTSOV I.P.</i>	
<i>GUBAREV V.V.</i>	
<i>ROZHKOVA L.V.</i>	Political and economic aspects of the development of Russian-Chinese international relations at the present stage.....90
<i>DUBINA A.SH.</i>	

CONFERENCES. SEMINARS. SYMPOSIUMS.....99

RULES OF PUBLICATION.....101

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

POLITICS AND SOCIETY

КОЧЕТКОВ Егор Евгеньевич
кандидат политических наук,
доцент, доцент, Российский
университет транспорта,
Москва, Россия
kochetkov.work@gmail.com

KOCHETKOV Egor Evgenievich
candidate of Political Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor, Russian University
of Transport, Moscow, Russia
kochetkov.work@gmail.com

К вопросу о типологизации автономий в составе современных государств/On the question of the typologization of autonomies within modern States

Аннотация

В статье предпринята попытка осмысления феномена возникновения автономных образований в территориально-политической системе современных государств. Кроме того, проанализированы особенности взаимодействия автономных регионов между собой и национальным правительством.

В результате в статье на основе изученного эмпирического материала, предложена собственная типология автономий.

Ключевые слова

Автономия; унитарное государство; регион; суверенитет; федерализм; региональная политика.

Abstract

The article attempts to understand the phenomenon of the emergence of autonomous entities in the territorial-political system of modern states. In addition, the features of interaction between autonomous regions and the national government are analyzed.

At the same time, the article offers its own typology of autonomies based on the studied empirical material.

Keywords

Autonomy; unitary state; region; sovereignty; federalism; regional policy.

Если обратиться к отечественной или зарубежной науке, в ней неоднократно поднимают вопрос классификации автономии. Процедуру осуществляют на основании определенных критериев. Чаще всего исследователи¹ за основу берут объем и содержание территорий, которые находятся под контролем публичных органов

¹ См.: Новожилов А.М. Пространственный ресурс в процессах модернизации // Путеводитель предпринимателя. 2020. Т. 13. № 3. С. 172-180; Федякин А.В. Основные подходы к пространственной дифференциации в региональной политике современной России // Вестник Российской нации. 2019. № 5 (69). С. 9-39

власти, а также возможность решения локальных вопросов относительно других национальных единиц и реализуемых функций. В частности, в основу градации может лечь факт участия в принятии решений на национальном уровне, национального правительства, наличия в социальной структуре автономии религиозных, культурных, исторических, этнических бытовых составляющих¹.

Если рассматривать современные автономии, большинство из них сформированы на основании национально-этнических признаков. В этой ситуации выделение автономии происходит на основании принадлежности народа, проживающего на определенной территории, к одному этносу, религии или культуре. Дополнительно возможно выделение автономии на основании языковой группы.

Вопрос автономии затрагивали в своих работах учёные. Например, Р. Бернхард² говорил, что к такому способу прибегают для защиты языка, культуры, и этнических особенностей, а также образа жизни. В ином случае есть риск, что культура большинства поглотит существующие персональные особенности народов-меньшинств. В результате можно рассматривать автономию, как одну из разновидностей признания прав.

Выделяют так называемую мононациональную территориальную автономию. Ее можно найти во многих странах. Например, мононациональной автономией является Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия, которые входят в состав Великобритании.

Достаточно интересным представляется исследование автономий предпринятое В. Сэфрэн. На основании проведенного анализа ему удалось сделать вывод о том, что меньшинство, которое входит в состав больших государств, являющихся с этнической позиции гомогенными, чаще получают автономию, чем аналогичные группы населения, если государство маленькое и с этнической позиции гетерогенное³.

Национально-этнические автономии уникальны по-своему развитию, что оказывает существенное влияние на экономику территорий, особенности их управления. Дополнительно на автономии влияют государства и их внутренняя и внешняя политика, что отражается на развитии территорий, которые могут быть развитыми и неразвитыми. В первую категорию входят Аландские острова, которые являются частью Финляндии, а также Гренландия и Фарерские острова. Последние две автономии входят в состав Дании.

Чтобы разобраться в особенностях, присущих этому типу

¹ Авакьян С.А. Конституционное право: энциклопедический словарь. С. 6; Чиркин В. Е. О сущности субъекта федерации // Государство и право. 2003. № 7. С. 8; Чиркин В. Е. Сравнительное государствоведение. С. 50; Hannum H., Lillich R. Op. cit. P. 860; Ackrén M. Conditions for Different Autonomy Regimes in the Worlds: A Fuzzy-Set Application. P. 14, 20, 38; Models of Autonomy. P. 5; Safran W. Op. cit. P. 11.

² Bernhardt R. Federalism and Autonomy, In: Dinstein, Y. (ed.). Models of Autonomy, 1981. P. 23.

³ Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма М.: ЦЦРИ РАН. 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/critika.pdf

автономии, стоит детально изучить их. Так, Аландские острова являются центром проживания шведского меньшинства. Вышеуказанная категория населения сумела сформировать собственные лингвистические и культурные особенности - именно их стремятся сохранить. Финляндия признаёт наличие права у вышеуказанной группы на собственную культуру и язык, а также иные особенности населения автономии. Этот нюанс нашел отражение в Конституции Финляндии¹ от 1999 года. В частности, стоит уделить внимание статье 17 вышеуказанного нормативно-правового акта. В ней говорится, что в Финляндии сразу два национальных языка. Это финский и шведский. Именно их используют в процессе судебных разбирательств, во время взаимодействия с государственными органами и иными инстанциями. При этом закреплена необходимость в удовлетворении общественных и культурных потребностей населения вне зависимости от того, на каком языке они говорят - на финском или на шведском. Процедура должна осуществляться на основе идентичных принципов.

Аландские острова были признаны автономией на основании соответствующего акта. Примечательно, что в нём уточняется тот факт, что в качестве официального языка в рамках автономии используется шведский. Его применяют во время официальных государственных мероприятий, используют в процессе управления². Дополнительно на нём же ведется преподавание в государственных школах. При этом образовательные организации могут самостоятельно принимать решение о том, на каком языке будет вестись его преподавание. Подход позволяет добиться большего национального согласия, а также даёт автономии самостоятельность, если речь идет о решении вопросов местного значения³.

Акт, на основании которого Аландские острова получили автономию, максимально подробно рассматривает все сферы жизни. Так, жители территории получили право осуществлять местное самоуправление, а также рассчитывать на сохранение национального языка и культуры⁴.

Продолжая рассматривать вопрос, стоит уделить внимание Фарерским островам, на которых живут потомки норманнов. Они перемешались с аборигенным населением близлежащих местностей, в результате народы смогли организовать единую нацию. Их отличает самобытная культура, иные особенности.

Если обратиться к правовой, на основании которого произошло

¹ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/finland/fincon-r.htm

² Бартенев Д. Г. Основы конституционного права Финляндии. - СПб. : изд-во Юрид. ин-та, 2004. С. 80

³ Лукашева Н. В. Правовой статус Аландских островов // Российский юридический журнал. 1997. №1. С. 155.

⁴ Act on the Autonomy of Åland (1991/1144). [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1991/en19911144.pdf .

выделение автономии, можно выяснить, что причиной подобной ситуации стало не только географическое положение Фарерских островов, но и их национальные и исторические особенности¹. На территории действует местный язык, который признан основным, но датскому языку также уделено внимание - люди обязаны изучать его полностью и тщательно. Он, как и национальный язык автономии, используется в государственных делах. Если ведется судебное разбирательство, имеют место быть прения сторон при обжаловании, документация обязательно должна быть сопровождена переводом на датский язык².

Отдельно существует так называемая гетерогенная территориальная автономия - такое название получают территории, на которых проживают сразу несколько национальностей или этносов. В этом случае выделение автономии происходит на основании культурного, лингвистического, религиозного многообразия, которое характерно для людей, проживающих на этой территории и отличающих их от большинства лиц, проживающих в государстве. Причём необходимость выделения может быть предопределена в зависимости от обстоятельств. В результате в отношении территории происходит установление особого правового режима.

Другим критерием для выделения территории могут стать её географические особенности. В этом случае речь идёт о территориальных автономиях. В отношении территорий применяют особые режимы в зависимости от специфики их местоположения. Часто это местности, которые могут находиться отдельно от основной части государства. Такие территориальные образования есть и в Португалии. Это Азорские острова и Мадейра. Именно из-за того, что острова расположены на определённом расстоянии от основной территории Португалии и имеют именно такой внешний вид, произошло выделение Мадейры и Азорских островов в качестве автономии. В результате территории получили особый социальный и экономический статус. Вышеуказанные характеристики нашли отражение в действующих нормативно-правовых актах. Дополнительно поводом для предоставления автономии стало историческое стремление основного населения к получению подобного статуса. Государство стремится гармонично развивать всю свою территорию, не забывая при этом о вышеуказанных автономиях.

Если обратиться к литературе и изучить вопрос идентичности населения на вышеуказанных территориях, то можно заметить, что единое мнение отсутствует. Например, Х. Магон³ говорит о том, что

¹ Act No.11 of 31 March 1948 on the Home Government of the Faroe Islands. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.government.fo/the-government/the-home-rule-act/.

² Olausson P. Autonomy and Islands: A Global Study of the Factors that Determine Island Autonomy. P. 110, 117.

³ Magone José M.. Institution-Building and Policy Performance in the Autonomous Regions of Madeira and Azores: Cases of Majoritarian Government. P. 7. URL : www.ecpcr.eu/Filestore/PaperProposal/e3af683c-0a33-4211-bc11-1d935779ffb1.pdf (дата обращения 19.03.2021)

национальная идентичность на Азорских островах несколько ниже, чем на Мадейре.

П. Олассон придерживается несколько иного мнения. Он говорит о том, что большинство жителей обеих автономии имеют португальское происхождение¹. Ученый подтверждает свои выводы, ссылаясь на используемые языки - они являются диалектами португальского и имеют примесь африканского, английского и фламандского языка. Дополнительно он говорит о том, что можно назвать националистами тех лиц, которые утверждают, что португальцы, живущие на материке и на островах, имеют существенные отличия от друг от друга.

Азорские острова и Мадейру можно назвать самым ярким примером образования автономии благодаря воздействию территориального фактора. Если в состав государства входят подобные автономии, важно поддерживать адекватный баланс интересов. Нельзя уделять внимание только основной территории или только автономии.

Финансово-экономические территориальные автономии. Предопределение сущности выделяемых автономий территориального типа предусматривает доминирование определенных индикаторов финансово-экономического аспекта в структурных особенностях их конституционно-правового статуса². Однако выше названные автономии не нужно рассматривать в контексте свободных экономических зон, так как в рамках направления последних создаются определенные функционально-целевые кластеры конкретно маркированных пространственных пределов образований внутригосударственного типа. Также касательно особых экономических зон предусматривается некий режим управления в публичной форме, который не характерен для единиц территориального типа (в рамках которого формируются представительные, исполнительные и судебные органы власти).

Функциональные автономии территориального типа выступают в качестве особой формы материализации «серых зон» в структуре разграничения образований автономного типа. Авторы политологических источников³ определяют функциональные автономии через два основных подхода.

В соответствии с первым подходом, функциональная автономия определяется в качестве особого случая экстерриториальной

¹ Olausson Pär M. *Autonomy and Islands: A Global Study of the Factors that Determine Island Autonomy*. P. 127-128

² Следует отметить, что Страна Басков и Наварра в Испании, а также особые области Италии обладают уникальными финансово-экономическими привилегиями. Вместе с тем, указанные привилегии предопределяются национально-этническими и социальными особенностями, синтезированы с ними в единое целое. Поэтому конституционно-правовой режим указанных регионов целесообразно рассматривать как смешанный с преобладанием национально-этнических параметров.

³ Никлаус А.А. Современные подходы к определению территориального пространства в зарубежных политологических исследованиях // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: РУТ (МИИТ), 2021. – Вып. №1 (84). С. 89-95.

автономии, которая основана на персональном принципиальном положении. Согласно данному принципу, определенные государственные функции и права передаются организациям частной формы¹.

В рамках функциональной автономии предполагается децентрализация контроля над определенными функциональными отраслями в той или иной географической местности (Ткачик)². Хорошо иллюстрируют специфические особенности указанных автономий определенные конституционно-правовые статусы Западной Фракии и Горе Афон в Греции.

Западная Фракция предусматривает ориентированность правового режима только на образовательной и религиозной сфере. Здесь функционирует двуязычная образовательная отрасль в учебных заведениях для последователей мусульманской религии (за исключением образования дошкольного типа). При этом главные функции по управлению мероприятиями, связанными с образовательным процессом, осуществляются министром образования, министром иностранных дел и Бюро по координации учебных заведений для греческих меньшинств³.

Предусматривается возможность проведения различных мероприятий для мусульманского меньшинства. Как отмечается в литературных источниках, в Греции свобода турков-мусульман характеризуется наличием территориальной основы, что, в свою очередь, связано с наличием возможности внедрения ее в практической плоскости в связи с признанием населения, исповедующего ислам, в статусе меньшинства, которое преимущественно проживает в западнофракийском регионе⁴.

Остальная часть территории Греции характеризуется предельной сдержанностью подхода к мусульманскому течению. В положениях третьей статьи Конституции определяется в статусе господствующей религиозное течение Восточно-православная Церковь Христова. Несмотря на установление статьей 13 данного документа свободы всякой известной религии и беспрепятственного осуществления ее культовых обрядов под законной охраной, в Греции фиксируется

¹ Levente S., Constantin S., Osipov A., Székely I. Editor's Introduction // *Autonomy Arrangements around the World: A Collection of Well and Lesser Known Cases*. Edited.: Levente Salat, Sergiu Constantin, Alexander Osipov, Istvan Gergô Székely. Cluj-Napoca : Editura Institutului pentru Studiarea Problemelor Minorităților Nationale, 2014. P. 24; Uimonen J. From Unitary State to Plural Assymmetric State: Indigenous Quest in France, New Zealand and Canada. University of Lapland. P. 65. URL : www.lauda.ulapland.fi

² Levente S., Constantin S., Osipov A., Székely I. Op. cit. P. 24.

³ Huseyinoglu S. The (Dys-)Functional Autonomy of the Muslim Turkish Minority in Western Thrace, Greece // *Autonomy arrangement around the world : a collection of well and lesser known cases* / ed.: Levente Salat, Sergiu Constantin, Alexandr Osipov, Istvan Gergo Szekely. Cluj-Napoca. : Editura Institutului pentru Studerea Problemelor Minorităților. Nationale, 2014. P. 437

⁴ Ibid. P. 429.

достаточно сложная ситуация с мусульманской религией¹.

При этом можно было фиксировать многократные обращения ассоциации религиозных служащих Западной Фракии к греческим властям с просьбами относительно того, чтобы разрешить мероприятия в исламских храмах за рамками Западной Фракии, а также отвержение всех указанных попыток властями Греции. Также греческие власти продолжают откладывание принятия решения относительно вопроса возведения мечети для афинского сообщества, исповедующего ислам. На сегодняшний день город Афины представляет собой единственную европейскую столицу, в которой отсутствует мечеть. Наряду с тем, практика религиозной деятельности практически всегда имела свободу в Западной Фракии².

В рамках указанного примера можно фиксировать наличие определенных признаков с политическими или административными автономиями в соответствии с набором переданных государством территориально организованным институтам тех или иных функций, в рамках которых осуществляется ограниченное внутреннее самоуправление. Особенностью Западной Фракии является непосредственное государственное участие в том, чтобы назначать религиозных лидеров, осуществление контроля и надзора по различным вопросам данной территории и др³.

Наиболее высоким уровнем аналогии с автономией политической формы имеет гора Афон. Статья 105 Основного Закона Греции определяет данную территорию в качестве самоуправляемой части Греции. В соответствии с первой статьей Устава Святой Афонской Горы, последняя состоит из двух десятков различных монастырей⁴.

В статье вышеуказанного Устава определяется самоуправляющий статус священных монастырей. Их управление производится в соответствии с установленными в них внутренними регламентными положениями. Определенно составленные письменные документы и полномочные грамоты характеризуются наличием у них полной силы общественных документов.

Отправление правосудия на Святой Горе осуществляется положениями монастырских властей и Священного Кинота за исключением определенных уголовных дел. Святая Гора обладает определенными таможенными и налоговыми привилегиями.

Итак, можно прийти к выводу относительно наличия широких полномочий по осуществлению внутреннего самоуправления. Но область юрисдикции Святой Горы определяется в качестве фактически ограниченной религиозными вопросами, а администрирование Святой Горы определяется в качестве исключительно инструмента

¹ Huseyinoglu S. Op. cit. P. 429.

² Ibid. P. 433.

³ Ibid. P. 432.

⁴ Конидарис Иоаннис М. Устав Святой Горы Афон / Пер. с новогрец. Татьяны Артюховой. Афон, Изд-ие монастыря Симонопетра, 2016. С. 115.

обеспечения выполнения монастырями некоего предназначения, имеющего статус основного в них. На основании качественных признаков конституционно-правового статуса Святая Гора Афон не может быть отнесена к автономии в политическом или административном аспекте, в связи с акцентированием направления саморегуляции на отношениях в пределах клира. Учитывая выраженный территориальный элемент, Святую Гору Афон нельзя приравнять к автономии экстерриториального типа.

Вышеприведенные вопросы разграничения автономий территориального типа определенно демонстрируют разнообразие форм их объективации при нынешнем состоянии развития мировой политической системы. Автономии обладают характерными признаками и критериями, которые отделяют их от других феноменов, представленных в политической действительности. Отметим, что наиболее важный критерий отграничения автономий заключается в факторе территориальной самостоятельности. Поэтому вопрос геополитическая проблематика будет оставаться актуальной для многих современных государств еще достаточно продолжительное время.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакян С.А. Конституционное право: энциклопедический словарь. С. 6
2. Бартенев Д. Г. Основы конституционного права Финляндии. - СПб.: изд-во Юрид. ин-та, 2004. С. 80
3. Bernhardt R. Federalism and Autonomy, In: Dinstein, Y. (ed.). Models of Autonomy, 1981. P. 23.
4. Лукашева Н.В. Правовой статус Аландских островов// Российский юридический журнал. 1997. №1. С. 155.
5. Никлаус А.А. Современные подходы к определению территориального пространства в зарубежных политологических исследованиях // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: РУТ (МИИТ), 2021. – Вып. №1 (84). С. 89-95.
6. Новожилов А.М. Пространственный ресурс в процессах модернизации //Путеводитель предпринимателя. 2020. Т. 13. № 3. С. 172-180.
7. Федякин А.В. Основные подходы к пространственной дифференциации в региональной политике современной России // Вестник Российской нации. 2019. № 5 (69). С. 9-39.

REFERENCES

1. Avakian S. A. Constitutional law: an encyclopedic dictionary [*Konstitutsionnoye pravo: entsiklopedicheskiy slovar*]. p. 6
2. Bartenev D. G. Fundamentals of the Constitutional law of Finland[*Osnovy konstitutsionnogo prava Finlyandii*]. - St. Petersburg: publishing house of Yurid. in-ta, 2004. p. 80
3. Bernhardt R. Federalism and Autonomy [*Federalism and Autonomy*], In: Dinstein, Y. (ed.). Models of Autonomy, 1981. P. 23.

4. Lukasheva N. V. The legal status of the Aland Islands [*Pravovoy status Alandskikh ostrovov*]// Russian Legal Journal. 1997. No. 1. p. 155.
5. Niklaus A. A. Modern approaches to the definition of territorial space in foreign political science studies [*Sovremennyye podkhody k opredeleniyu territorialnogo prostranstva v zarubezhnykh politologicheskikh issledovaniyakh*]// SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture: a scientific and socio-cultural journal / / Moscow: RUT (MIIT), 2021. - Issue No. 1 (84). pp. 89-95.
6. Novozhilov A.M. Spatial resource in the processes of modernization [*Prostranstvennyy resurs v protsessakh modernizatsii*]//Entrepreneur's guide. 2020. Vol. 13. No. 3. pp. 172-180.
7. Fedyaikin A.V. Basic approaches to spatial differentiation in the regional policy of modern Russia [*Osnovnyye podkhody k prostranstvennoy differentsiatsii v regionalnoy politike sovremennoy Rossii*]// Bulletin of the Russian Nation. 2019. No. 5 (69). pp. 9-39.

*ФЕДЯКИН Алексей Владимирович
доктор политических наук,
профессор, заведующий
кафедрой «История» Российский
университет транспорта,
Москва, Россия
politologia-MIIT@yandex.ru*

*FEDYAKIN Aleksey Vladimirovich
doctor of political sciences,
professor, head of department
«History» of Russian university of
transport, Moscow, Russia
politologia-MIIT@yandex.ru*

**Государственная политика РФ в отношении
городского пассажирского транспорта:
приоритеты и перспективные направления/
State policy of the Russian Federation towards urban
passenger transport: priorities and perspective directions**

Аннотация

В статье анализируются отраслевые документы стратегического планирования РФ и профильные нормативные акты, образующие концептуальную и правовую основу государственной политики современной России в отношении городского пассажирского транспорта. Уточняется роль и место данного вида транспорта общего пользования в транспортной системе страны в целом и пространственных образований городского типа в частности, определяются перспективные направления его развития и ориентированные на их обеспечение задачи в сфере государственной политики.

Ключевые слова

Государственная транспортная политика; современная Россия; городской пассажирский транспорт; документы стратегического планирования; федеральные законы.

Abstract

The article analyzes the branch documents of the strategic planning of the Russian Federation and the relevant normative acts that form the conceptual and legal basis of the state policy of modern Russia in relation to urban passenger transport. It clarifies the role and place of this type of public transport in the transport system of the country as a whole and urban-type spatial formations in particular, determines the perspective directions of its development and the tasks aimed at ensuring them in the field of state policy.

Keywords

State transport policy; modern Russia; urban passenger transport; strategic planning documents; federal laws.

В условиях стремительного роста городов, включая как

малые и средние, так и крупные – мегаполисы¹ – развитие городского пассажирского транспорта становится не только неизбежностью, но и необходимостью. Оно и понятно: решая проблему, с одной стороны, «преодоления» пространства, с другой стороны, его связанности, транспорт в целом и в городах в частности играет системообразующую роль. А тем самым становится важнейшим фактором современной внутренней и внешней политики, стратегически значимым ресурсом в руках государства, а также центральным объектом его организационно-управляющего воздействия. Характеризуя значение городских магистралей, проспектов, улиц и т.д., а также линейных и точечных объектов транспортной инфраструктуры (вокзалы, станции, транспортно-пересадочные узлы и пр.), можно с достаточным основанием использовать терминологию из области медицины: кровеносная система, артерии, сосуды и т.п., уже давно не являющуюся метафорической и применяемую без кавычек.

Неслучайно Президент РФ В.В. Путин отметил: «... пожалуйста, не забывайте про городской транспорт. У нас уже много появляется техники для города, для крупных населенных пунктов. Это и современные автобусы, и трамваи». При этом, по словам главы государства, необходим учет «требований к сохранению природы, с учетом требований к городскому транспорту, особенно в крупных городах, городах-миллионниках, где используется очень много городского транспорта на дизельном топливе... и выбросы в атмосферу создают неблагоприятную обстановку в крупных городах»².

Вообще, приоритетные направления государственной политики современной России в отношении городского пассажирского транспорта нашли отражение в целом ряде отраслевых документов стратегического планирования, принятых на федеральном уровне.

Как известно, важнейшим среди таких документов в транспортной сфере является Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. В содержащемся в ней прогнозе социально-экономического развития транспортного комплекса РФ отмечается, в частности, что «С ростом благосостояния населения потребуются опережающее развитие общественного пассажирского транспорта, особенно в крупных городских агломерациях»³. При этом предлагаемый в документе «Инновационный вариант развития транспортной системы» предусматривает «рост объемов перевозок пассажиров транспортом общего пользования», что повлечет за со-

¹ См.: Федякин И.В. Развитие российских городов и мегаполисов как приоритетное направление современной государственной политики // Вестник Российской нации. 2018. № 5. С. 22-55.

² Цит. по: <http://kremlin.ru/events/president/news/64806> (дата обращения: 10.04.2021).

³ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 12 мая 2018 г. № 893-р) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902132678> (дата обращения: 10.04.2021).

бой «возникновение необходимости строительства и реконструкции автодорожной сети, связывающей новые жилые районы в мегаполисах и пригородные зоны крупных городов с местами приложения рабочей силы, в значительном количестве крупных и средних городов в связи с повышением уровня доходов и качества жизни населения»¹. В Стратегии особо подчеркивается, что «При реализации этого варианта меры по развитию транспортной системы страны будут сосредоточены наряду со столичными агломерациями также в городах, в которых концентрируется значительный инновационный и человеческий капитал. На востоке страны такой сценарий даст импульс развитию гг. Томска, Новосибирска, Красноярска и Иркутска, имеющих значительный объем накопленного инновационного потенциала. При этом важнейшее значение будет иметь “инфраструктурный эффект” формирования агломераций, связанный с реализацией проектов строительства крупных транспортных комплексов, мультимодальных логистических центров и информационных узлов». И далее: «Значительный импульс получит развитие пассажирского транспорта общего пользования. Прежде всего это относится к развитию... городского и пригородного транспорта, в том числе его скоростных видов»².

Не менее важным среди отраслевых документов стратегического планирования в транспортной сфере является Схема территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта) и автомобильных дорог федерального значения, которая, помимо прочего, содержит подраздел «Транспортные коридоры, узлы и совмещенные объекты». В нем предусмотрена реализация таких задач, как, в частности: комплексное развитие Новороссийского транспортного узла (г. Новороссийск), развитие транспортных узлов «Восточный – Находка» (г. Находка) и в г. Екатеринбурге, развитие мультимодального универсального транспортно-логистического узла «Ростовский универсальный порт» (г. Ростов-на-Дону), а также создание транспортной инфраструктуры для формирования комплексной транспортно-логистической системы г. Москвы и Московской области³.

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 12 мая 2018 г. № 893-р) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902132678> (дата обращения: 10.04.2021).

² Там же.

³ Схема территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта) и автомобильных дорог федерального значения. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 19 марта 2013 г. № 384-р (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 22 января 2021 г. № 112-р) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499009611>

Наконец, особую значимость в числе отраслевых документов стратегического планирования в транспортной сфере представляет Государственная программа РФ «Развитие транспортной системы», действие которой рассчитано на период до 2024 г. Приоритеты развития городского пассажирского транспорта обозначены сразу в нескольких направлениях (подпрограммах), содержащихся в ней. В частности, в рамках направления (подпрограммы) «Железнодорожный транспорт» предусмотрена реализация федерального проекта «Чистый воздух», одной из целей которого является «кардинальное снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах за счет развития метрополитена»; направлением (подпрограммой) «Дорожное хозяйство» – федерального проекта «Дорожная сеть», предполагающего в том числе «доведение в 2024 году в крупнейших городских агломерациях доли автомобильных дорог, соответствующих нормативным требованиям, в их общей протяженности до 85 процентов»; направлением (подпрограммой) «Обеспечение реализации государственной программы Российской Федерации “Развитие транспортной системы”» – федерального проекта «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства», ожидаемым результатом которого, помимо прочего, должно стать «обновление подвижного состава наземного общественного пассажирского транспорта в 20 крупнейших городских агломерациях (за исключением Московской и Санкт-Петербургской)»¹.

Приоритеты и основные направления государственной политики РФ в отношении городского пассажирского транспорта получили фиксацию и на законодательном уровне.

Так, особое внимание развитию данного вида транспорта общего пользования уделено в Градостроительном кодексе Российской Федерации². Во-первых, в нем даются определения таким имеющим отношение к городской транспортной инфраструктуре объектам, как:

- линейные объекты (к ним отнесены трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии и т.п. сооружения)³;

(дата обращения: 10.04.2021).

¹ Государственная программа РФ «Развитие транспортной системы». Утверждена Постановлением Правительства РФ от 20 декабря 2017 г. № 1596 (в ред. Постановления Правительства РФ от 28 сентября 2020 г. № 1551) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/556157375> (дата обращения: 10.04.2021).

² Градостроительный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (в ред. ФЗ от 30 декабря 2020 г. № 505-ФЗ) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901919338> (дата обращения: 10.04.2021).

³ При этом реконструкция линейных объектов определяется как «изменение параметров линейных объектов или их участков (частей), которое влечет за собой изменение класса, категории и (или) первоначально установленных показателей функционирования таких объектов (мощности, грузоподъемности и других) или при котором требуется изменение

- транспортно-пересадочный узел (комплекс объектов, включающий в себя земельный участок/участки с расположенными на них, над или под ними объектами транспортной инфраструктуры, а также другими объектами, предназначенными для обеспечения безопасного и комфортного обслуживания пассажиров в местах их пересадок с одного вида транспорта на другой);

- парковка или парковочное место (специально обозначенное и при необходимости обустроенное/оборудованное место, являющееся в том числе частью автомобильной дороги и/или примыкающее к проезжей части и/или тротуару, обочине, эстакаде или мосту либо являющееся частью подэстакадных или подмостовых пространств, площадей и иных объектов улично-дорожной сети и предназначенное для организованной стоянки транспортных средств);

- машино-место (предназначенная исключительно для размещения транспортного средства индивидуально-определенная часть здания или сооружения, которая не ограничена либо частично ограничена строительной или иной ограждающей конструкцией)¹.

Во-вторых, Кодексом устанавливается перечень особо опасных и технически сложных объектов, к числу которых относятся: объекты космической инфраструктуры; объекты инфраструктуры воздушного транспорта, являющиеся особо опасными, технически сложными объектами в соответствии с воздушным законодательством РФ; объекты капитального строительства инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования, являющиеся особо опасными, технически сложными объектами в соответствии с законодательством РФ о железнодорожном транспорте; объекты инфраструктуры внеуличного транспорта; портовые гидротехнические сооружения, относящиеся к объектам инфраструктуры морского порта; подвесные канатные дороги.

В-третьих, Градостроительным кодексом предусматривается разработка и принятие программ комплексного развития транспортной инфраструктуры поселения/городского округа. Под ними понимаются документы, устанавливающие перечни мероприятий по проектированию, строительству, реконструкции объектов транспортной инфраструктуры местного значения поселения/городского округа, которые предусмотрены также государственными и муниципальными программами, стратегией социально-экономического развития муниципального образования, инвестиционными программами субъектов естественных монополий в области транспорта и т.д. В Кодексе подчеркивается, что программы комплексного развития транспортной инфраструктуры поселения/городского округа разрабатываются и утверждаются на основании утвержденных в установленном порядке генеральных планов поселения/городского округа и должны обеспечивать сбалансированное, перспективное

границ полос отвода и (или) охранных зон таких объектов» 9там же)

¹ Там же.

развитие транспортной инфраструктуры данных территориальных образований в соответствии с потребностями в строительстве, реконструкции объектов транспортной инфраструктуры местного значения¹.

В-четвертых, Градостроительным кодексом регламентируются вопросы, связанные с комплексным развитием территории. Целями такого развития провозглашаются, в частности:

- обеспечение сбалансированного и устойчивого развития поселений/городских округов путем повышения качества городской среды и улучшения внешнего облика, архитектурно-стилистических и т.д. характеристик объектов капитального строительства;

- создание необходимых условий для развития транспортной, социальной, инженерной инфраструктур, благоустройства территорий поселений/городских округов, повышения территориальной доступности этих инфраструктур;

- повышение эффективности использования территорий поселений/городских округов, в т.ч. формирование комфортной городской среды, создание мест обслуживания и мест приложения труда².

Еще один документ, являющийся нормативным основанием государственной политики РФ в отношении городского пассажирского транспорта, – ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Им определяется порядок организации и осуществления регулярных перевозок в т.ч. на межмуниципальных (т.е. в границах не менее двух муниципальных районов или городских округов одного субъекта РФ) и муниципальных (т.е. в границах поселения, городского округа или городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя) маршрутах, включая их установление, изменение и отмену. Также ФЗ содержит требования к объектам транспортной инфраструктуры (автовокзалам, автостанциям, остановочным пунктам и т.д.) и порядок пользования ими³.

Другой документ в сфере государственной политики РФ

¹ Там же.

² Градостроительный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (в ред. ФЗ от 30 декабря 2020 г. № 505-ФЗ) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901919338> (дата обращения: 10.04.2021).

³ Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 220-ФЗ (в ред. ФЗ от 8 июня 2020 г. № 166-ФЗ) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420287403?marker=7D20K3> (дата обращения: 10.04.2021).

в отношении пассажирского транспорта – ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно ему, внеуличный транспорт определяется как «технологический комплекс, включающий в себя подвижной состав внеуличного транспорта и объекты инфраструктуры внеуличного транспорта и обеспечивающий перевозку пассажиров и провоз ручной клади по договорам перевозки пассажиров»¹. К видам внеуличного транспорта, согласно ФЗ, отнесены:

1) метрополитен («вид внеуличного транспорта, движение подвижного состава которого осуществляется на электротяге по двум рельсам»);

2) монорельсовый транспорт («вид внеуличного транспорта, движение подвижного состава которого осуществляется на электротяге по ходовой балке, расположенной на эстакаде»);

3) подвесная канатная дорога транспортная («вид внеуличного транспорта, подвижной состав которого перемещается по несущему канату, тяговым канатам или посредством несущего-тягового каната, которые поддерживаются опорами»);

4) фуникулер транспортный (или наземная канатная дорога транспортная – «вид внеуличного транспорта, движение подвижного состава которого осуществляется по рельсовому пути либо эстакаде одним или несколькими тяговыми канатами»)².

Законом регламентируются полномочия федеральных органов исполнительной власти в сфере внеуличного транспорта, в числе которых, в частности, названы: определение основных направлений государственной политики и установление основ правового регулирования в области внеуличного транспорта; проведение единой государственной политики в области развития объектов инфраструктуры внеуличного транспорта; утверждение типовых правил пользования внеуличным транспортом и его технической эксплуатации³.

Характерным примером последних, кстати говоря, являются Типовые правила технической эксплуатации метрополитена, которые «устанавливают порядок движения подвижного состава и организации маневровой работы, функционирования объектов инфраструктуры метрополитена, систему сигналов, относящихся к движению подвижного состава и организации маневровой работы, типы сигнальных приборов, при помощи которых эти сигналы подаются, определяют действия работников юридических лиц и индивидуальных предпринимателей,

¹ О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 442-ФЗ (в ред. ФЗ от 24 апреля 2020 г. № 147-ФЗ) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556184650> (дата обращения: 10.04.2021).

² Там же.

³ Там же.

осуществляющих перевозки пассажиров метрополитеном..., при технической эксплуатации метрополитена»¹.

В контексте рассмотрения приоритетов государственной политики в отношении городского пассажирского транспорта в целом и метрополитена как его отдельного вида в частности обращает на себя внимание такой нормативный документ, как ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном». Согласно ему, «обязательное страхование вводится в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного при перевозках жизни, здоровью, имуществу пассажиров независимо от вида транспорта и вида перевозок, создания единых условий возмещения причиненного вреда, а также установления процедуры получения выгодоприобретателями возмещения вреда»². При этом основными принципами обязательного страхования в ФЗ провозглашаются «гарантированность возмещения вреда, причиненного при перевозках жизни, здоровью, имуществу пассажиров, за счет выплаты страхового возмещения или осуществления компенсационной выплаты», а также «защита посредством обязательного страхования имущественных интересов перевозчика в случае возникновения его гражданской ответственности за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров»³.

В целом, развитие городского пассажирского транспорта, представляющего собой особый вид транспорта общего пользования, – сложную комбинацию выделяемых по различным основаниям путей и средств сообщения (автобусы, троллейбусы, трамваи, электробусы, метрополитены, железные и канатные дороги и т.д.) – в силу своей социальной значимости является одним из приоритетов государственной политики РФ⁴. Процесс ее формирования и реализации, осуществляемый при опоре на концептуальные и нормативные основания, вместе с тем, должен быть гибким, согласовываться с динамично меняющимися реалиями, вызванными как общемировыми

¹ Типовые правила технической эксплуатации метрополитена. Утверждены приказом Минтранса России от 21 декабря 2018 г. № 468 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552196827> (дата обращения: 10.04.2021).

² Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном. Федеральный закон от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ (в ред. ФЗ от 18 декабря 2018 г. № 473-ФЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902352282> (дата обращения: 10.04.2021).

³ Там же.

⁴ Подробно см.: Горбунов А.А. Транспортная политика государства: институты, ресурсы, технологии // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2018. № 1. С. 17-21.

урбанизационными тенденциями, так и отечественной спецификой городской жизни, непреложной логикой генезиса и эволюции населенных пунктов городского типа в нашей стране.

Как было отмечено Президентом РФ, сегодня «В транспортном комплексе России занято около 4,5 миллиона человек. Их стабильная, надежная работа – это основа динамичного развития предприятий и регионов – собственно, всей страны как единого целого», а потому в крайне непростых условиях постковидной реальности «Важно поддержать людей, занятых в сфере перевозок, обеспечить общую устойчивость транспортного комплекса России... Нельзя забывать о том, что в каждом регионе есть компании, которые выполняют задачи важные, системные для конкретной территории. Главным образом речь идет об автобусных... перевозках, пригородном... сообщении... Нужно использовать возникающие резервы транспортного комплекса, ориентировать их на развитие внутреннего туризма, межрегиональных перевозок, на оказание качественных, доступных услуг нашим гражданам»¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбунов А.А. Транспортная политика государства: институты, ресурсы, технологии // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2018. № 1. С. 17-21.

2. Федякин И.В. Развитие российских городов и мегаполисов как приоритетное направление современной государственной политики // Вестник Российской нации. 2018. № 5. С. 22-55.

REFERENCES

1. Gorbunov A.A. Transport policy of the state: institutions, resources, technologies [*Transportnaja politika gosudarstva: instituty, resursy, tekhnologii*] // SEARCH: Politics. Civics. Art. Sociology. Culture: scientific and socio-cultural journal. 2018. No. 1. P. 17-21.

2. Fedyakin I.V. Development of Russian cities and megacities as a priority direction of modern state policy [*Razvitije rossijskikh gorodov i megapolisov kak prioritetnoje napravlenije sovremennoj gosudarstvennoj politiki*] // Bulletin of Russian nation. 2018. No. 5. P. 22-55.

1 Цит. по: <http://kremlin.ru/events/president/news/63309> (дата обращения: 10.04.2021).

*ФЕДЯКИН Иван Владимирович
доктор политических наук,
профессор, заведующий
кафедрой «Сервис и туризм»
Российский университет
транспорта, Москва, Россия
fedyakin_iv@mail.ru*

*FEDYAKIN Ivan Vladimirovich
doctor of political sciences,
professor, head of the department
«Service and tourism» of Russian
university of transport, Moscow,
Russia
fedyakin_iv@mail.ru*

Основные направления государственной информационной политики в документах стратегического целеполагания РФ/ Basic directions of state information policy in strategic planning documents of Russian Federation

Аннотация

В статье анализируются документы стратегического целеполагания современной России в таких сферах, как обеспечение национальной безопасности, национальная, культурная, миграционная, транспортная, молодежная политика, а также пространственное развитие, в которых в той или иной мере обнаруживается информационный аспект. Это позволяет рассматривать данные документы не только как специализированные, но и как межотраслевые, а информационную политику – как комплексное и полиструктурное явление, имеющее в своих основных направлениях тесные взаимосвязи с другими областями деятельности современного Российского государства внутри страны и на международной арене.

Ключевые слова

Россия; концепции и доктрины; государственная информационная политика; информационное общество; стратегическое целеполагание; национальные приоритеты.

Abstract

The article analyzes the documents of strategic planning of modern Russia in such areas as ensuring national security, ethno-national, cultural, migration, transport, youth policy, as well as spatial development, in which the information aspect is more or less revealed. This allows us to consider these documents not only as specialized, but also as intersectoral, and information policy – as a complex and multistructural phenomenon that has in its main directions close relationships with other areas of activity of the modern Russian state within the country and in the international arena.

Keywords

Russia; concepts and doctrines; state informational policy; informational society; digital economy; strategic planning; national priorities.

Общеизвестно, что информационная политика является разноаспектным феноменом, обнаруживающим тесные взаимосвязи и многочисленные пересечения с другими направлениями деятельности современного государства внутри страны и на международной арене. Особенно это характерно для текущего этапа развития человеческой цивилизации, изобилующего кризисными явлениями (прежде всего, пандемия), которые делают востребованными прорывные шаги в информационной сфере и связанных с ней областях экономики и общественной жизни. И, конечно, это имеет самое непосредственное отношение к современной России¹: как неоднократно отмечалось ее Президентом, «Сегодня уже никому не нужно доказывать, что роль и место, которые занимает государство в мире, зависит и от степени развития информационных технологий. Для России это направление является приоритетным»²; «цифровизация – это серьезный ресурс национального развития, реального улучшения качества жизни людей, и за последние годы многое сделали для внедрения новых технологий и программ, для активной и равноправной интеграции нашей страны в глобальное информационное пространство»³.

В этой связи заслуживает самого пристального внимания анализ основных направлений государственной информационной политики РФ, представленных в отраслевых документах стратегического целеполагания⁴. И хотя они не являются профильными для информационной сферы, не были специально разработаны и приняты для реализации непосредственно связанных с ней политических приоритетов, вместе с тем, в них затрагивается целый ряд ее важнейших составляющих⁵.

Прежде всего, это группа документов стратегического целеполагания в сфере обеспечения национальной безопасности России. Она представлена, в частности, Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 20 ноября 2013 г. № Пр-2685). Согласно ей, информационные меры указаны в числе системы мер (наряду с политическими, социально-экономическими, организационными, правовыми и пр.), определяемых и реализуемых государством в целях противодействия преступных и иным противоправным посягательствам, а также предупреждения, ликвидации и/или минимизации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. В документе подчеркивается,

¹ Подробно см.: Горбунов А.А. Факторы пространства и коммуникаций в политической истории России // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 7. С. 7-15.

² Цит. по: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/7742> (дата обращения: 30.12.2020).

³ Цит. по: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/98/events/57957> (дата обращения: 30.12.2020).

⁴ Подробно см.: Федякин А.В. Национальные интересы и стратегические приоритеты общества и государства в современных концепциях и доктринальных документах Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2017. № 3. С. 8-33.

⁵ Здесь и далее тексты документов стратегического целеполагания приводятся в действующей на момент написания статьи (декабрь 2020 г.) редакции.

что «Одним из основных источников угроз общественной безопасности является экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. Особую озабоченность вызывает распространение экстремистских настроений среди молодежи. Члены экстремистских организаций активно используют новые технологии, в том числе информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, для распространения экстремистских материалов, привлечения в свои ряды новых членов и координации противоправной деятельности»¹. В этой связи в числе основных направлений деятельности в области противодействия экстремизму указаны профилактические, воспитательные и пропагандистские меры, которые направлены на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на противодействие распространению экстремистских материалов через СМИ и Интернет².

Еще один документ – Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-2753). В ней подчеркивается, что «Информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть “Интернет”, стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии», при этом «Распространение экстремистских идей, в частности, мнения о приемлемости насильственных действий для достижения поставленных целей, угрожает общественной безопасности в Российской Федерации ввиду усиления агрессивности идеологии экстремизма и увеличения масштабов ее пропаганды в обществе»³. Соответственно, в числе основных задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Стратегии названы информационное сопровождение в печатных и электронных СМИ деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов власти, институтов гражданского общества и организаций по противодействию экстремизму, а также информационное противодействие распространению идеологии экстремизма.

Документом предусмотрены основные направления противодействия экстремизму в сфере государственной информационной политики. В их числе: мониторинг СМИ в целях выявления фактов распространения идеологии экстремизма, экстремистских материалов и незамедлительного реагирования на них; ограничение доступа в России к информационным

¹ Цит. по: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 30.12.2020).

² Там же.

³ Цит. по: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document130/> (дата обращения: 30.12.2020).

ресурсам, распространяющим экстремистскую идеологию; недопущение ввоза на территорию РФ экстремистских материалов; использование возможностей государственных СМИ в целях сохранения традиционных для России нравственных ориентиров, межнационального и межконфессионального согласия, а также приобщения молодежи к ценностям российской культуры; содействие СМИ в широком и объективном освещении деятельности органов власти по противодействию экстремизму и терроризму в целях формирования в обществе нетерпимого отношения к распространению экстремизма; подготовка и размещение в СМИ социальной рекламы, направленной на патриотическое воспитание молодежи; подготовка и распространение информационных материалов о предупреждении и пресечении экстремистской деятельности, ориентированных на повышение бдительности российских граждан, формирование у них чувства заинтересованности в противодействии экстремизму, а также сопричастности деятельности государства в этой сфере; и т.д.¹

Наконец, еще одним документом, который может быть отнесен к данной группе, являются Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации (утверждены Президентом РФ 3 февраля 2012 г. № 803). В нем подчеркивается, что «одним из путей предотвращения угроз информационной безопасности Российской Федерации является совершенствование безопасности функционирования информационных и телекоммуникационных систем критически важных объектов инфраструктуры и объектов повышенной опасности в Российской Федерации»². Соответственно, целью политики в данной области провозглашается снижение до минимально возможного уровня рисков неконтролируемого вмешательства в процессы функционирования таких систем, а также минимизация негативных последствий подобного вмешательства³.

Вторая группа – документы стратегического целеполагания в сферах, имеющих особую значимость для российского общества и государства, с учетом их исторической, социокультурной, пространственно-географической и т.д. специфики.

В их числе – Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). В ней в числе основных направлений государственной национальной политики названы: в сфере обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия, гармонизации межнациональных/межэтнических

¹ Цит. по: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document130/> (дата обращения: 30.12.2020).

² Цит. по: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document113/> (дата обращения: 30.12.2020).

³ Там же.

отношений – противодействие пропаганде идей экстремизма в СМИ; реализация мер правового и информационного характера по профилактике использования национального и религиозного факторов в избирательном процессе; в сфере государственного управления – совершенствование государственной информационной системы мониторинга в области межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций; в сфере информационного обеспечения реализации государственной национальной политики – привлечение СМИ к освещению вопросов реализации национальной политики, стимулирование создания ими проектов в этой области; создание и распространение соответствующей рекламной и иной информационной продукции; подготовка, профессиональная переподготовка и повышение квалификации журналистов, освещающих вопросы реализации государственной национальной политики; организация и проведение конкурсов на лучшее освещение в СМИ вопросов межнационального/межэтнического, межконфессионального и межкультурного взаимодействия. Также документом предусматривается информационная поддержка реализации государственной национальной политики на уровне субъектов РФ и муниципальных образований, которая должна осуществляться посредством привлечения информационных ресурсов заинтересованных органов власти и местного самоуправления, государственных научных и образовательных организаций, региональных СМИ и некоммерческих организаций этнокультурной направленности¹.

В Основах государственной культурной политики (утверждены Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808) отмечается, что одной из сфер государственной и общественной жизни, которую охватывает культурная политика, является формирование информационного пространства страны, а одной из целей культурной политики – обеспечение доступа граждан России к знаниям, информации, культурным ценностям и благам. В документе определяются такие категории, как «информационная среда» (совокупность СМИ, радио- и телевидение, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», распространяемые с их помощью текстовые и визуальные материалы, информация, а также созданные и создаваемые цифровые архивы, библиотеки, оцифрованные музейные фонды) и «информационная грамотность» (знания, способности и навыки, необходимые для получения информации, ее оценки и использования, приобретаемые как в процессе обучения в профессиональных и образовательных организациях, так и вне их, включая все типы информационных ресурсов: устные, печатные и цифровые)².

Согласно документу, ставятся следующие задачи государственной

¹ Цит. по: <http://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 30.12.2020).

² Цит. по: <http://docs.cntd.ru/document/420242192> (дата обращения: 30.12.2020).

культурной политики: в области русского языка, языков народов РФ, отечественной литературы – использование в общероссийском публичном пространстве и государственных СМИ эталонного русского литературного языка; создание условий для сохранения и развития всех языков народов России, для сохранения двуязычия граждан, проживающих в национальных регионах, для использования национальных языков в печатных и электронных СМИ; расширение присутствия русского языка в сети «Интернет», существенное увеличение в ней ресурсов, позволяющих гражданам разных стран изучать русский язык, получать информацию о русской культуре; в области создания информационной среды, благоприятной для становления личности, – формирование информационной грамотности граждан; повышение качества материалов и информации, размещаемых в СМИ; повышение этической и эстетической ценности, профессионального уровня распространяемых государственными теле- и радиовещателями программ и продуктов; формирование единого российского электронного пространства знаний на основе оцифрованных книжных, архивных, музейных фондов, собранных в Национальную электронную библиотеку и национальные электронные архивы по различным отраслям знания и сферам творческой деятельности; создание национальной российской системы сохранения электронной информации, в том числе ресурсов в сети «Интернет»¹.

Еще один документ стратегического целеполагания, относимый к данной группе, – Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы (утверждена Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622). В ней в числе основных направлений миграционной политики, направленных на совершенствование механизмов профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства РФ и коррупционных нарушений в сфере миграции, включая меры ответственности за нарушение названного законодательства и законодательства России о противодействии коррупции, указаны следующие: совершенствование механизмов получения заинтересованными государственными органами информации о нахождении иностранных граждан в РФ и их перемещении по ее территории; поддержание и развитие государственных информационных систем; повышение эффективности профилактической, информационной и разъяснительной работы с гражданами, работодателями, заказчиками работ и услуг в целях предупреждения нарушений миграционного законодательства России. Кроме того, объективное информационное освещение вопросов миграции и реализации миграционной политики отнесено документом к числу основных механизмов реализации миграционной

¹ Цит. по: <http://docs.cntd.ru/document/420242192> (дата обращения: 30.12.2020).

политики¹.

Согласно Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р), одной из целей развития транспортной системы является формирование единого транспортного пространства России на базе сбалансированного опережающего развития эффективной транспортной инфраструктуры, что позволит в том числе создать единую информационную среду технологического взаимодействия различных видов транспорта. Другой целью, заявленной в Стратегии, является обеспечение доступности и качества транспортно-логистических услуг в области грузовых перевозок на уровне потребностей развития экономики страны, что предполагает в том числе создание интеллектуальных транспортных систем с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий, обеспечивающих информационную интеграцию транспортных систем и реализацию высокоэффективных товаротранспортно-логистических подходов. Третья цель, согласно документу, – обеспечение доступности и качества транспортных услуг для населения в соответствии с социальными стандартами. Для ее реализации предусматривается в том числе поддержка создания интеллектуальных транспортных систем с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий и глобальной навигационной системы ГЛОНАСС.

В числе основных направлений государственной транспортной политики России в документе названы: создание единого информационного пространства транспортного комплекса, обеспечивающего снижение издержек взаимодействия различных видов транспорта, грузоотправителей, грузополучателей, государственных контрольных, таможенных, пограничных и других органов, участвующих в осуществлении процессов перевозок; создание единых информационных сервисов взаимодействия транспортных, логистических, экспедиторских, таможенных, пограничных и других государственных контрольных органов; создание информационной среды для построения интеллектуальных транспортных систем на федеральных трассах и в крупных транспортных узлах. Что же касается конкретных мероприятий, нацеленных на реализацию данных направлений, то ими, в соответствии со Стратегией, являются в том числе: оснащение парка подвижного состава автомобильного и городского наземного электрического транспорта общего пользования современными информационно-телекоммуникационными системами и глобальной навигационной системой ГЛОНАСС; развитие интеллектуальных транспортных систем, обеспечивающих управление наземным общественным транспортом – расширение зон управляемого движения и повышение эффективности управления,

¹ Цит. по: <http://docs.cntd.ru/document/551516499> (дата обращения: 30.12.2020).

повышение скорости и ритмичности, устойчивости работы общественного транспорта с минимальными помехами другим участникам движения; развитие систем информирования пассажиров и участников движения, а также создание систем управления спросом на движение в городских агломерациях; стимулирование развития информационных сервисов и сопутствующих услуг пассажирам на мультимодальных перевозках; и т.д.¹

Наконец, согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р), для достижения главной цели – обеспечения устойчивого и сбалансированного пространственного развития России, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны, – требуется решение в том числе такой задачи, как ликвидация инфраструктурных ограничений федерального значения и повышение доступности и качества магистральной транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры.

В соответствии с документом, развивать отечественную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру планируется путем: устранения «цифрового неравенства» субъектов РФ за счет создания информационно-телекоммуникационной инфраструктуры для обеспечения высокоскоростной передачи данных, доступной для населения страны; повышения информационно-телекоммуникационной связанности территории России за счет широкого использования систем спутниковой связи на удаленных и труднодоступных территориях и обеспечения доступности услуг связи, в том числе услуг, обеспечивающих высокоскоростную передачу данных для населения таких районов; обеспечения создания инфраструктуры связи для беспроводной передачи данных на автомобильных дорогах федерального значения и железных дорогах, входящих в первую очередь в транспортные коридоры «Запад – Восток» и «Север – Юг»; содействия созданию современных сетей связи и внедрению узкополосного доступа для сбора и передачи телеметрической информации во всех крупных и крупнейших городских агломерациях; развития сети центров хранения и обработки больших массивов данных (дата-центров) на территориях со значительным электроэнергетическим профицитом, наличием необходимой мощности информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, особыми природно-климатическими условиями (низкими среднегодовыми температурами) и содействия экспорту услуг по обработке и хранению данных².

¹ Цит. по: <http://docs.cntd.ru/document/902132678> (дата обращения: 30.12.2020).

² Цит. по: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>

Третья группа – документы стратегического целеполагания, относящиеся к сфере молодежной политики. В их числе – Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждены Распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р). В документе, в частности, особо отмечается, что в настоящее время «Проблемным фактором является деструктивное информационное воздействие на молодежь, следствием которого в условиях социального расслоения, как показывает опыт других стран, могут стать повышенная агрессивность в молодежной среде, национальная и религиозная нетерпимость, а также социальное напряжение в обществе»¹. А потому «стратегическим приоритетом государственной молодежной политики является создание условий для формирования личности гармоничной, постоянно совершенствующейся, эрудированной, конкурентоспособной, равнодушной, обладающей прочным нравственным стержнем, способной при этом адаптироваться к меняющимся условиям и восприимчивой к новым созидательным идеям»². При этом «Ключевой задачей является воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи»³.

Для реализации поставленных цели и задач документом предусматривается в том числе «формирование информационного поля, благоприятного для развития молодежи, интенсификация механизмов обратной связи между государственными структурами, общественными объединениями и молодежью, а также повышение эффективности использования информационной инфраструктуры в интересах патриотического и гражданского воспитания молодежи»⁴. В числе конкретных мероприятий указываются следующие: создание и поддержка проектов по популяризации образа гармонично развитого молодого человека, его профессиональных и творческих достижений; создание условий для повышения культуры информационной безопасности в молодежной среде как эффективного инструмента профилактики экстремизма, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным и другим признакам; формирование эффективных механизмов информирования молодежи о направлениях и мероприятиях молодежной политики, а также организация и проведение конкурсов на лучшее освещение в СМИ

(дата обращения: 30.12.2020).

¹ Цит. по: <http://static.government.ru/media/files/ceFXIeNUqOU.pdf> (дата обращения: 30.12.2020).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

вопросов реализации молодежной политики; создание в субъектах РФ систем информирования молодежи о возможностях трудоустройства, а также программах поддержки открытия собственного бизнеса. Кроме того, предусмотрены такие информационные механизмы реализации государственной молодежной политики, как: размещение информации о реализации молодежной политики в сети «Интернет» и СМИ; развитие государственных и муниципальных информационно-аналитических систем, в том числе баз данных, социально-экспертных сетей и систем, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг, а также реализацию обратной связи молодых граждан с органами государственной власти и управления¹.

Еще один документ – Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р). В ней в качестве основных направлений развития воспитания предусматривается расширение воспитательных возможностей информационных ресурсов, что в свою очередь предполагает: создание условий, методов и технологий для использования возможностей информационных ресурсов, в первую очередь сети «Интернет», в целях воспитания и социализации детей; информационное организационно-методическое оснащение воспитательной деятельности в соответствии с современными требованиями; содействие популяризации в информационном пространстве традиционных российских культурных, в том числе эстетических, нравственных и семейных ценностей и норм поведения; воспитание в детях умения совершать правильный выбор в условиях возможного негативного воздействия информационных ресурсов; обеспечение условий защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и психическому развитию². При этом в числе механизмов реализации Стратегии названы информационные, которые предполагают в том числе: использование современных информационных и коммуникационных технологий, электронных информационно-методических ресурсов для достижения цели и результатов реализации Стратегии; организацию информационной поддержки продвижения положений и реализации Стратегии с привлечением общероссийских и региональных СМИ³.

В целом, предметное поле информационной политики в той или иной степени представлено во многих документах стратегического целеполагания, разработанных и действующих в современной России. По сути, есть все основания говорить о том, что данные документы, будучи узкоспециализированными для соответствующих областей

¹ Цит. по: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 30.12.2020).

² Цит. по: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHIBitwN4gB.pdf> (дата обращения: 30.12.2020).

³ Там же.

общественной и государственной жизни, одновременно в целом ряде аспектов развивают и дополняют сферу информационной политики, т.е. носят межотраслевой характер. Это вполне объяснимо, учитывая саму полиструктурную природу информационной сферы, а также особенность ее развития в современных условиях, ее комплексный и всеохватывающий характер. Как было отмечено Президентом РФ В.В. Путиным на совещании по вопросам развития информационно-коммуникационных технологий и связи 10 июня 2020 г., «В этой сфере у нас уже занято более миллиона специалистов, действуют около 60 тысяч организаций, и они добиваются весомых, значимых результатов. По целому ряду параметров, включая развитие мобильной связи, доступность интернета, Россия уверенно входит в число мировых лидеров. Отечественные компании предлагают надежные программные решения, которые конкурентоспособны и внутри страны, и на глобальном рынке»¹. При этом связанные с пандемией «вынужденные ограничения мотивировали многие предприятия и организации по-новому взглянуть на привычные бизнес-процессы, активнее внедрять цифровые решения для увеличения эффективности своей работы. Сама жизнь показала, насколько важно быстро и смело использовать широкие возможности цифровизации, и не только в бизнесе, но и в сфере государственных услуг, в образовании, в медицине, просто в повседневной жизни людей»².

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбунов А.А. Факторы пространства и коммуникаций в политической истории России // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 7. С. 7-15.
2. Федякин А.В. Национальные интересы и стратегические приоритеты общества и государства в современных концепциях и доктринальных документах Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2017. № 3. С. 8-33.

REFERENCES

1. Gorbunov A.A. The factors of space and communication in the political history of Russia [*Faktyory prostranstva i kommunikacij v politicheskoy istorii Rossii*] // Scientists notes of Kazan state University. Humanities series. 2008. Vol. 150. No. 7. P. 7-15.
2. Fedyakin A.V. National interests and strategic priorities of society and the state in modern concepts and doctrinal documents of the Russian Federation [*Natsionalnyje interesy i strategicheskije priority obshchestva i gosudarstva v sovremennykh kontseptsiyakh i doktrinalnykh dokumentakh Rossijskoj Federatsii*] // Bulletin of Russian nation. 2017. No. 3. P. 8-33.

¹ Цит. по: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/98/events/63493> (дата обращения: 30.12.2020).

² Там же.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

SOCIOLOGY OF CULTURE

ВОЛОГИНА Екатерина

Владимировна

*кандидат филологических наук,
доцент, заведующая кафедрой
электронных СМИ и новых медиа
Кубанский государственный
университет, Краснодар, Россия
vokal@list.ru*

VOLOGINA Ekaterina

Vladimirovna

*andidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Head of the
Department of Electronic Media
and New Media, Kuban State
University, Krasnodar, Russia
vokal@list.ru*

Социальный аспект литературного творчества: значение для общества и институциональная обусловленность/The social aspect of literary creativity: significance for society and institutional conditionality

Аннотация

Статья посвящена изучению литературного творчества как социального феномена. Исследуется влияние, оказываемое литературными произведениями на мировоззрение членов общества и их социальную активность. Анализируются развлекательная, просветительская, ценностная, воспитательная функции литературного творчества. Доказывается, что в условиях культурного кризиса деятельность коммерчески ориентированных литературных институтов может способствовать отражению и закреплению кризисных тенденций. Оцениваются современные тенденции репрезентации негативных социальных моделей в литературе и оцениваются риски, связанные с ними. Рассматривается специфика института литературных премий и ставится вопрос о его социально-сберегающем значении.

Ключевые слова

Общество; литература; социальные институты; продвижение литературного творчества; социальные риски; литературные премии.

Abstract

The article is devoted to the study of literary creativity as a social phenomenon. The influence of literary works on the worldview of members of society and their social activity is investigated. The entertainment, value, educational functions of literary creativity are analyzed. It is proved that in the context of a cultural crisis, the activities of commercially oriented literary institutions can help to reflect and consolidate crisis trends. Current trends in representation of negative social models in the literature are assessed and risks associated with them are assessed. The specifics of the institute of literary prizes are considered and the question is raised about its socio-

saving significance.

Keywords

Society; literature; social institutions; promotion of literary creativity; social risks; literary prizes.

Проблематика развития литературы раскрывается, преимущественно, на уровне филологического и культурологического знания, поскольку, с одной стороны, литературное творчество имеет непосредственное отношение к языку, с другой – представляет собой феномен культуры. Вместе с тем, существует еще один важный срез рассмотрения литературного творчества, который в значительно меньшей степени востребован на уровне научно-исследовательского сообщества – социальное измерение литературы, включающее в себя, с одной стороны, социальные факторы развития литературной сферы, с другой стороны – влияние литературы на область общественных отношений. В рамках настоящей статьи мы намерены рассмотреть область литературного творчества именно с этой точки зрения – как социальный феномен.

Рассматривая проблему социального значения литературы, следует отметить, что для ее понимания необходимо ответить на следующие вопросы:

- с какой целью люди читают художественные произведения?
- какое непосредственное воздействие, помимо развлекательного, оказывает художественная литература на членов общества?
- какое опосредованное влияние оказывает литературное творчество на членов общества на уровне социально-коммуникативной среды?

Проанализируем основные функции литературного творчества с точки зрения читателя. Здесь преобладающее значение приобретает развлекательная функция¹ – люди читают, прежде всего, потому, что им интересно конкретное произведение, и они хорошо проводят время за чтением, получая удовольствие от него. Также следует отметить, что одной из причин чтения является стремление к расширению кругозора, восприятию новых идей и смыслов, узнаванию интересных фактов и т. д.. Для читателей может представлять значимость не только развлекательная, но и просветительская функция литературы. В отдельных случаях обращение к определенному произведению производится не в силу того, что оно представляет интерес само по себе, но по причине того, что человек считает необходимым приобщиться к определенному явлению культуры, с которым знакомы другие люди, вступающие с ним в коммуникацию. Такой «кликбез» способствует облегчению коммуникативного взаимодействия через понимание аллюзий, цитат, включение в обсуждения определенных аспектов произведения и т.д.

Описанные выше причины чтения – это одновременно перечень

¹ Татарникова Л. Р. Основные параметры и функции современной массовой литературы // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. №4.- с. 160-165

наиболее явных функций литературы, как элемента социальной культуры. С одной стороны, речь идет о рекреативной функции, в результате осуществления которой члены общества распоряжаются своим досугом. Данный аспект чтения зачастую упускается из виду как незначительный; между тем, недостаток средств рекреации грозит существенными проблемами, связанными со снижением работоспособности членов общества, их удовлетворенности, ростом напряженности и конфликтности и т.д. По этой причине даже названная выше очевидная функция литературного творчества имеет серьезное значение для общества. Вместе с тем, следует отметить, что значимость литературного творчества для общества не может быть исчерпана лишь развлекательной функцией, а также обратить внимание на то, что с развитием новых каналов коммуникации возник ряд пластов культуры, успешно конкурирующих с книгами в вопросе развлечения членов общества. Что касается расширения кругозора и, в целом, личностного роста, следует отметить, что данный аспект чтения является определяющим для сравнительно узкой группы читателей, для которых, помимо развлечения, представляет интерес также обогащение новыми смыслами, идеями и т. д.. Обращение к литературе, основанное на ее содержательной наполненности, способствующей личностному развитию читателя, требует либо серьезной осознанности и целенаправленного саморазвития, либо органично возникающего интереса к смыслам и идеям, имеющим ценность для развития человека и содержащихся в конкретном произведении. Здесь следует акцентировать внимание на разницу между причиной чтения и сопутствующим его результатом: мы не утверждаем, что личностное развитие как результат чтения наблюдается у малого числа людей. Скорее, речь идет о том, что для большинства читателей оно представляет собой сопутствующий эффект, в то время как исходным мотивирующим фактором чтения выступает получение удовольствия.

Что касается причин чтения, связанных с выстраиванием удобной коммуникативной ситуации, основанной на совместном приобщении к определенным элементам культуры, следует отметить, что в данном случае литературное произведение выступает не столько как цель, сколько в качестве средства, что определяет специфику его восприятия.

Помимо описанных выше аспектов чтения литературы, связанных с целеполаганием читателя (и, соответственно – ожидаемым им результатом), могут иметь место сопутствующие воздействия, оказывающие влияние на мировоззрение читателя, его жизненные цели, ценностные ориентации, образ действия и т.д. Это очень важный аспект социального значения литературного творчества, поскольку речь идет об объективном воздействии, которое оказывает конкретное произведение на мировоззрение читающего. Рассмотрим данный аспект социального значения литературы более подробно. Для этого необходимо учесть тот факт, что в литературное

произведение закладываются смысловые конструкции различных уровней – идеи, ценностные установки, оценочные суждения, описания действий персонажей и т. д.. Все это в совокупности составляет опосредованный социальный опыт, получаемый читателем, а также заимствуемые им элементы мировоззрения. При этом восприятие литературных произведений имеет ряд особенностей, в частности – момент сопереживания главному герою, ассоциирования себя с ним и, следовательно –предрасположенности к принятию его образа мысли, способа действий, оценочных суждений и т. д.. При этом важно учитывать, что литературное произведение является результатом творческой деятельности автора, которая находится в прямой зависимости от характеристик его собственного мировоззрения. А это, в свою очередь, определяет «правила игры», действующие на уровне конкретного произведения и подсознательно воспринимаемые читателем. Как результат – речь идет о мощном, и зачастую – неосознаваемом читателями воспитательном, формирующем личность воздействии книги¹. Именно поэтому приобщение членов общества к литературному наследию имеет значение не только в культурном плане, но и с точки зрения создания условий для выстраивания конструктивных социальных отношений. Воспитание ценностей, привитие конструктивных моделей поведения, создание условий для неприятия деструктивных отношений и действий – все это имеет критически важное значение. Однако, коль скоро мы поставили вопрос о воздействии литературы на членов общества, следующим вопросом является вопрос о литературных предпочтениях членов общества, изменение которых неизбежно повлечет за собой и изменение социального значения литературы. Литература представляет собой чрезвычайно обширный пласт культуры, включающий в себя совершенно разные в содержательном плане произведения. Поскольку литературная деятельность и ее результаты зависят от мировоззренческих характеристик автора, несложно прийти к выводу о том, что многообразие литературных произведений соотносится с многообразием мировоззрений. Это означает, в том числе и то, что автор, являющийся носителем деструктивных социальных установок, может побуждать свою читательскую аудиторию к их репрезентации и реализации на уровне социальной практики.

Вопрос выбора литературных произведений читательской аудиторией, как мы видим, является одним из определяющих при разработке проблематики социального значения литературы. И здесь мы вплотную подступаем к вопросу о социальных факторах, определяющих характер приобщения членов общества к литературному творчеству, а также об общих тенденциях развития самой по себе литературной сферы, в рамках которой непрерывно возникают новые произведения различной направленности.

¹ Якупова Г. Х. Роль художественной литературы в воспитании студентов // Проблемы Науки. 2017. №28 (110). – с. 50-52

Прежде всего, следует отметить, что существуют институциональные факторы приобщения членов общества к литературному творчеству. В их число входит, с одной стороны, совокупность общественных институтов, на уровне которых производится тиражирование и распространение литературных произведений, с другой стороны – социальные институты и структуры, стимулирующие процесс чтения конкретных литературных работ. К числу последних относятся разнообразные читательские сообщества и клубы определенной направленности, а также система образования, на уровне которой в рамках обязательной учебной программы происходит приобщение учащихся к конкретным литературным произведениям, их разбор и анализ. Рассматривая в данном отношении влияние института образования на приобщение членов общества к литературе, следует отметить, что, с одной стороны, здесь наблюдается конструктивная функция по приобщению к литературе широких масс населения (причем немаловажно, что в рамках образовательной программы имеет место обязательная программа, включающая в себя наиболее значимые литературные произведения, относящиеся к классике зарубежной и отечественной литературы), с другой – обязательный характер ознакомления с литературными произведениями означает момент принуждения к чтению, что может негативно сказаться на уровне мотивации к чтению (в особенности в ситуации, когда уровня зрелости читателя недостаточно для пробуждения интереса к конкретному произведению). Что касается многообразных клубов и сообществ (в том числе – Интернет-сообществ), на уровне которых реализуется момент распространения конкретных произведений, а также стимулирование членов сообщества к ознакомлению с их содержанием, речь идет, преимущественно, о социально-коммуникативных факторах формирования мотивации к чтению, а также о моменте ознакомления членов сообщества с фактом существования того или иного интересного произведения. Иными словами, данные сообщества и клубы не столько обязывают к прочтению определенных книг, сколько информируют об их существовании. При этом одним из сопутствующих результатов наличия подобного рода сообществ является объединение носителей сходных вкусов, предпочтений и мировоззренческих установок, вхождение которых в коммуникативную среду сообщества определяется интересом к конкретной книге или жанру. Таким образом, как мы видим, литература не только оказывает влияние на мировоззрение членов общества, но также и способствует созданию специфических структурных связей, связанных с развитием устойчивых отношений между членами общества, объединяемыми по критерию литературных предпочтений.

Что касается общественных институтов, на уровне которых производится тиражирование и распространение литературных произведений, отметим, что ключевую роль в данном случае играют издательства, литературные журналы и сетевые литературные

ресурсы, на уровне которых размещаются литературные произведения различной формы и жанровой направленности. В большинстве своем данные институты носят коммерчески-ориентированный характер: распространение и тиражирование литературной продукции осуществляется с учетом коммерческой окупаемости данного процесса. Соответственно, тиражированию подлежит преимущественно та литературная продукция, которая характеризуется большей востребованностью в читательской среде. Данный аспект институциональной определенности литературной сферы мы подробнее рассмотрим позднее, в рамках изучения общих условий и тенденций развития современной литературной сферы.

В контексте проведенного выше анализа актуализируется вопрос о том, что всю совокупность литературного творчества можно подразделить, хоть и с существенным элементом условности, на две основные группы произведений – относящиеся к другим историческим эпохам (и, соответственно, относящиеся к их литературному наследию), а также современные. И, если для произведений, относящихся к другим эпохам, ключевым фактором становится характер механизмов их распространения, то для области современной литературы приобретает серьезное значение вопрос о факторах и условиях возникновения литературных произведений (и их представления вниманию массовой читательской аудитории).

Одной из важных тенденций, относящихся к соотношению современной литературы и литературного наследия прошлого, является то, что в настоящее время имеет место чрезвычайно интенсивный процесс возникновения новых литературных произведений, доступных для прочтения. При этом фокус интереса читательской аудитории смещается в сторону современных произведений, что определяет их доминирующее воздействие на сферу массового сознания. Как результат, мы имеем дело с ситуацией, когда актуальные тенденции развития литературной сферы приобретают доминирующее значение в вопросах определения характеристик социального мировоззрения членов общества. Таким образом, в контексте описанных выше аспектов влияния литературы на область социальной практики критическое значение приобретают характеристики современной, нарождающейся литературы. Все это определяет необходимость обращения к вопросу о специфике современных процессов развития литературной сферы и, в частности, факторах, обуславливающих содержательный аспект современного литературного творчества.

Рассматривая данный вопрос, следует обратить внимание на то, что основные общественные институты, на уровне которых производится тиражирование и распространение литературных произведений, имеют коммерчески-ориентированный характер. Это означает, прежде всего, то, что распространению подлежат те литературные работы, которые в наибольшей степени отвечают вкусовым предпочтениям и интересам массовой читательской аудитории. И здесь в дело вступают

алгоритмы определения наиболее востребованных произведений, основанные на экспертной оценке перспективности их издания, а также механизмах обратной связи с читателями (которая реализуется через системы отзывов, оценку уровня продаж, а также – на уровне сетевых литературных ресурсов – через количественные механизмы подсчета уровня читательского одобрения). Что является в данном случае наиболее важным? Прежде всего, то, что распространение литературного творчества, отвечающего культурным предпочтениям широких масс, уже основывается на характеристиках массового сознания. Иными словами, коммерческая ориентация большинства институтов, на уровне которых осуществляется продвижение литературного творчества, определяет момент репрезентации в литературной сфере мировоззренческих установок, уже действующих (и преобладающих) в социокультурной среде. И это означает, что в условиях позитивного (с точки зрения характера ценностных установок и их отношения к системе действующих общественных отношений) характера социальной культуры на уровне литературного творчества реализуется тенденция репрезентации конструктивных социальных ценностей и моделей поведения, в то время как в условиях духовного кризиса и нарушения ценностных ориентаций членов общества формируется тенденция репрезентации деструктивных социокультурных установок. Причем речь в данном случае идет не столько о том, что авторы литературных произведений в большей мере склонны отражать в своих работах негативные социальные модели, сколько в том, что читательская аудитория обнаруживает склонность к восприятию литературной продукции, содержащей негативный по своему характеру контент. Таким образом, в условиях кризиса культуры репрезентации в литературной среде подлежат, в первую очередь, произведения, содержание которых способствует дальнейшему распространению деструктивных тенденций. И ключевым в данном случае является то, что критерии оценки качества произведений (с целью их дальнейшего продвижения) на уровне коммерчески-ориентированных литературных институтов носят не качественный, а количественный характер.

Описанный выше принцип определяет то, что в условиях кризиса культуры возникают социальные риски, связанные с репрезентацией негативных социальных установок на уровне возникающих и активно распространяемых литературных произведений. Это положение несложно подтвердить, проанализировав содержательный аспект популярных в настоящее время произведений искусства (включая литературные): нередко демонстрируются цинизм, крайний индивидуализм, склонность к отвержению норм морали (вплоть до готовности осуществлять глубоко аморальные действия для достижения поставленной цели), готовность к совершению противоправных действий, деактуализация (нередко в крайне уничижительном формате) конструктивных социальных ценностей

и их позиционирование в качестве наивности и слабости и т.д.¹ Это свидетельствует о довольно острой ситуации, несущей в себе существенные социальные риски, поскольку активное обращение к подобному рода литературной продукции влечет за собой постепенную деформацию социального мировоззрения членов общества. Безусловно, востребованность подобного рода работ уже свидетельствует о наличии серьезных социокультурных проблем, но существующие механизмы продвижения литературного творчества, основанные на количественном критерии читательского одобрения, лишь способствуют усугублению данных проблем.

В этих условиях актуализируется вопрос о том, какие социальные механизмы могут способствовать уравниванию ситуации и, в частности, продвижению литературного творчества, обладающего конструктивной содержательной наполненностью. Поскольку ключевым аспектом в данном случае является критерий оценки литературных работ, с последующим их продвижением, одним из перспективных вариантов видится институт литературных премий, на уровне которого реализуется конкурсный отбор литературных произведений, с последующей материальной поддержкой авторов и продвижением работ, занявших призовые места (причем речь идет как о публикации на уровне ведущих издательств, так и об информационной поддержке, в результате которой читательская аудитория, интересующаяся конкретными литературными конкурсами, обретает возможность узнать о существовании конкретного автора и его работ). Особенностью института литературных премий является то, что он ориентирован на оценку не только формы (стилистика, композиция), но и содержания работ, в результате чего производится куда более серьезная оценка участвующих в конкурсном отборе произведений и, в том числе – отсеиваются работы, имеющих негативное значение в содержательном плане. Кроме того, немаловажным аспектом литературных премий является их целевой характер: литературные конкурсы изначально определяют тематическую и жанровую направленность рассматриваемых работ, что позволяет посредством осуществления конкретного конкурсного отбора стимулировать развитие литературы в значимом для общества направлении². Это определяет высокую степень значимости института литературных премий, поскольку он позволяет создать условия для преодоления тех кризисных тенденций, которые сложились на уровне литературной сферы и, в том числе, оказывают влияние на область социальных процессов.

Что немаловажно, для успешного участия в развитии литературной сферы начинающим авторам критически важно, с одной стороны, обладать необходимым ресурсом времени для осуществления творческой деятельности, с другой – иметь выход на широкую

¹ Федулов С. С. Цинизм в искусстве: мировоззренческие смыслы и эстетические формы // Вестник Курганского государственного университета. 2017. №1 (44). – с. 104-110

² Луков В. А. Премии литературные // Знание. Понимание. Умение. 2011. №2. – с. 281-286

аудиторию, что, так или иначе, требует успешного продвижения работ на уровне одного из существующих институтов, ориентированных на развитие современной литературной сферы. И в данном случае литературные премии создают возможность для успешного старта карьеры начинающего автора сразу по двум причинам, поскольку они, с одной стороны, обеспечивают талантливого автора материально, с другой – создают предпосылки для продвижения его работ через контракты с издательствами, отслеживающими результаты литературных конкурсов, а также информационное освещение литературных премий и статус призера, который способствует более успешной организации дальнейшего сотрудничества автора с основными институтами, осуществляющими продвижение литературного творчества.

Итак, подводя итоги, отметим, что в современных условиях развитие литературы имеет серьезное значение как фактор выстраивания социальных отношений. При этом, сам процесс развития литературы имеет институциональную определенность. В настоящее время существуют серьезные социальные риски, связанные с коммерческой ориентацией ряда институтов, осуществляющих продвижение литературного творчества. Вместе с тем, данные риски частично уравниваются деятельностью института литературных премий, обладающего рядом важных качеств, определяющих его возможности по поддержанию конструктивной по своему содержанию литературной продукции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Луков В. А. Премии литературные // Знание. Понимание. Умение. 2011. №2. – с. 281-286
2. Татарникова Л. Р. Основные параметры и функции современной массовой литературы // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. №4.- с. 160-165
3. Федулов С. С. Цинизм в искусстве: мировоззренческие смыслы и эстетические формы // Вестник Курганского государственного университета. 2017. №1 (44). – с. 104-110
4. Якупова Г. Х. Роль художественной литературы в воспитании студентов // Проблемы Науки. 2017. №28 (110). – с. 50-52.

REFERENCES

1. Lukov V.A. Literary Prizes [*Premii literaturnye*]// Knowledge. Understanding. Skill. 2011. No. 2. - from. 281-286.
2. Tatarnikova L.R. Basic parameters and functions of modern mass literature [*Osnovnye parametry i funkcii sovremennoj massovoj literatury*]// Humanitarian vector. Series: Pedagogy, Psychology. 2010. No. 4.- p. 160-165.
3. Fedulov S.S. Cynicism in art: ideological meanings and aesthetic forms [*Cinizm v iskusstve: mirovozzrencheskie smysly i esteticheskie formy*]// Bulletin of the Kurgan State University. 2017. No. 1 (44). - from. 104-110
4. Yakupova G. Kh. The role of fiction in the education of students [*Rol' hudozhestvennoj literatury v vospitanii studentov*]// Problems of Science. 2017. No. 28 (110). - from. 50-52.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

REGIONAL SOCIOLOGY

КЛИМЕНКО

*Людмила Владиславовна
доктор социологических наук,
доцент, профессор, Южный
федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
lucl@yandex.ru*

KLIMENKO

*Lyudmila Vladislavovna
Doctor of Social Sciences,
Associate Professor, Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
lucl@yandex.ru*

ВЕРЕЩАГИНА

*Анна Владимировна
доктор социологических наук,
доцент, профессор, Южный
федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
anrietta25@mail.ru*

VERESHCHAGINA

*Anna Vladimirovna
Doctor of Social Sciences,
Associate Professor, Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
anrietta25@mail.ru*

БУДАЕВ Павел Евгеньевич
*кандидат социологических
наук, доцент, доцент, Южный
федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
pavelbudaev@list.ru*

BUDAEV Pavel Yevgenyevich
*Candidate of Sociological
Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Southern
Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
pavelbudaev@list.ru*

Динамика групповой идентичности населения Юга России в контексте социетальной интеграции макрорегиона/Dynamics of group identity of the population of the South of Russia in the context of macroregion's societal integration¹

Аннотация

В статье анализируются результаты повторно-сравнительных (2010-2021 гг.) социологических исследований групповой идентичности населения полиэтничного Юга России. На фоне распространенности отождествлений с группами повседневного общения (возрастными и профессиональными) выявляется этнотерриториальная специфика структуры идентичности. Фиксируется более высокая и возрастающая значимость общегражданской идентичности для населения Ростовской области. Тогда как для представителей республиканского сегмента (Адыгея и Дагестан) важнее являются этнические и северокавказские мы-идентификации. Сохраняющееся несовпадение структуры

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270

групповой идентичности по субрегионам Юга России затрудняет социальную интеграцию многоэтнического макрорегиона.

Ключевые слова

Мы-идентичность; Юг России; полиэтнический макрорегион; республики Северного Кавказа; социальная интеграция; структура и компоненты идентификации.

Abstract

The article analyzes the results of repeated-comparative (2010-2021) sociological studies of the group identity of the population of the multiethnic South of Russia. Against the background of the prevalence of identifications with groups of everyday communication (age and professional), the ethno-territorial specificity of the identity structure is revealed. A higher and growing importance of civil identity for the population of the Rostov region is recorded. Whereas for the representatives of the republican segment (Adygea and Dagestan), ethnic and North Caucasian we-identifications are more important. The continuing discrepancy in the structure of group identity across the subregions of the South of Russia complicates the societal integration of the multi-component macroregion.

Keywords

We-identity; South of Russia; multiethnic microregion; republics of the North Caucasus; societal integration; structure and components of identification.

Постановка проблемы

Принятие и редакция Стратегии государственной национальной политики РФ¹ актуализировали обсуждение проблем общероссийской идентичности, как фактора обеспечивающего социокультурную общность многонационального государства. Проблема интеграции населения, устойчивости и социальной сплоченности актуализируют «огромные размеры российской территории; чрезвычайная разнородность общества: региональная, культурная, экономическая, этническая, религиозная; сложности социальной и личной идентификации и т.д.»².

Юг России традиционно отличается полиэтнической структурой, сложной историей межэтнических отношений и различиями в социально-экономическом развитии этнотерриториальных образований. В условиях подобной сегментированности в сознании населения региона сосуществуют и могут конкурировать друг с другом гражданские, региональные и этнические уровни многоэтнической

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации и на период до 2025 года». В редакции Указа Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703 [<http://kremlin.ru/acts/bank/36512>]

² Гофман А.Б. Концептуальные подходы к анализу социального единства// Социологические исследования. 2015. №11. С. 30.

идентичности¹. В тоже время национальная стратегия предполагает формирование общегражданской идентичности населения российского общества при сохранении его национального многообразия. Поэтому целью настоящей статьи является анализ динамики социальной идентичности населения Юга России в контексте социетальной интеграции многосоставного региона.

Солидаристский потенциал групповой идентичности жителей поликультурного макрорегиона рассматривается в нашем исследовании с позиции макроуровневой интеграции социума, который в социологической литературе характеризуется с помощью понятия социетальность. Активно разрабатываемый в работах Т. Парсонса, Н.И. Лапина, Т.И. Заславской² и др. концепт социетальной целостности предполагает формирование солидарности и устойчивости сообщества на общесистемном уровне, что обеспечивает динамичный баланс в развитии многосоставных регионов.

В свою очередь, складывание идентичности предполагает «когнитивно-эмоциональные процессы, связанные с социальным построением оценки себя другими и самим собой»³. В современных исследованиях с опорой на труды Дж. Г. Мид, П. Бергера, Т. Лукмана⁴ и других делается акцент на конструируемой природе идентичности, которая может изменяться в зависимости от социально-политического и экономического контекста, а также под влиянием индивидуальных жизненных траекторий личности.

Эмпирическая база исследования

География современного исследования включает изучение идентичности населения трех субрегионов Юга России: 1) Ростовской

¹ Дробизева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность россиян: совместимость или противостояние // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков и др.; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. М.: Весь Мир, 2015. С. 176-197; Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Курбатов В.И., Сериков А.В. Общероссийская и этническая идентичность на юге России: соотношение и ресурсы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. №4. С. 156-161; Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения юга России // Социологические исследования. 2013. №7. С. 25-34.

² Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998; Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования, 2000, № 7; Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2013; Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.

³ Bastos-Trovão S. From local inter-ethnicities to the dynamics of the world-system: Identity debates between Portuguese and British Sunnis in Leicester. In Westin, C., Bastos, J., Dahinden, J., Gois, P. (Eds.), Identity processes and dynamics in multiethnic Europe (pp. 149-178). 2010. Amsterdam, Netherlands: Amsterdam University Press. P. 151.

⁴ Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / ИНИОН РАН. М., 2009. 290 с.; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.

области, с урбанизированной инфраструктурой, относительно развитой экономикой и высокой степенью этнической однородности (около 90% жителей русские); 2) Республики Адыгея, с преобладающей аграрной экономикой, с большей половиной сельского населения и третьей долей представителей титульного этноса – адыгейцами; 3) Дагестана, половина населения которого проживает в сельских районах, со сложным этническим составом (из которых официально отнесены к коренным 14 народов), где численно преобладающими являются аварцы, даргинцы, кумыки и лезгины.

Зимой 2021 г. по стандартизированной анкете было опрошено 329 человек в Республике Адыгея (из которых 92% адыгейцев), 400 – в Ростовской области (91% русских), 413 - в Республике Дагестан (29% - аварцев, 20% - лезгин, 17% - даргинцев, 15% - кумыков, 9% - лакцев, 4% - табасаранцев). Опрашивалось население столиц республик и областных центров. Для анализа динамики идентичности населения Юга России использовались материалы социологических исследований, проведенных по единой методике - Ростовской области в 2010 г. было опрошено 431 человек, в Республике Адыгея в 2011 г. - 398 человек. Выборка опросов – квотно-пропорциональная по основным социально-демографическим подгруппам населения.

Результаты исследования

Многолетнее изучение социальной идентичности индивидов и групп показывает ее сложную природу. Любая разновидность идентичности формируется и изменяется только во взаимодействии с социальными общностями¹, которыми могут выступать т.н. первичные или примордиальные группы (семейные, половозрастные, расовые), а также вторичные или конструируемые группы (профессиональные, этнические, конфессиональные, гражданские, и пр.).²

В рамках настоящей статьи остановимся на анализе эмпирических результатов исследования динамики мы-идентичности, которая фиксирует восприятие людьми наличие близости или дистанции с окружающими людьми, группами и воображаемыми сообществами. Методический инструментарий такого измерения представлен в работах В.А. Ядова, Е.Н. Данилова и других авторов³.

Материалы социологического опроса 2021 г. показали, что жители Юга России чаще всего отождествляют себя с группами повседневного общения и вторичными надэтническими общностями. В частности,

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызов национальной американской идентичности. Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004.

² Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: ИЭА РАН. 2003; Бауман З. Индивидуализированное общество/Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005.

³ Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1993. № 3-4. С. 167-174; Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 76-86.

опрошенное население Ростовской области в большей степени чувствует близость с людьми своего поколения (56%), с гражданами России (52%) и с людьми своей профессии (48%). Региональная идентичность представлена в этом сегменте через отождествление с жителями своей области (29%) и Юга России в целом (23%). (Рис. 1).

Жители Адыгеи на первые места по числу указаний выносят идентификации с другими группами по возрастному (71%) и профессиональному (54%) признакам, а на третье место - по этнической принадлежности (34%). Территориальная принадлежность проявляется примерно в пятой доли случаев при выборе в качестве мы-групп жителей региона (22%) и население Северного Кавказа (18%). (Рис. 1).

Опрошенное население Дагестана чаще всего указывает на чувство близости с поколенческими (62%) и религиозными группами (52%). Примерно в равной степени для респондентов данного сегмента характерны мы-идентификации с профессиональными (49%), гражданскими (48%) и северокавказскими (47%) группами. (Рисунок 1).

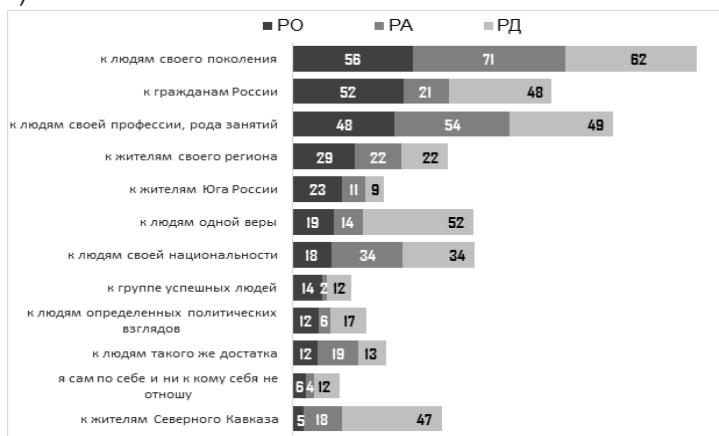

Рисунок 1. «Мы часто встречаем различных людей. С одними мы быстро находим взаимопонимание, другие нам представляются скорее чужими. О каких группах Вы можете сказать: «это мы»? К каким группам людей вы себя чаще всего относите? (не более пяти вариантов)» (в %). Опрос 2021 г.

Анализ материалов аналогичного опроса, проведенного в Ростовской области и Республике Адыгея в 2010-2011 гг., выявляет преобладание этнической и северокавказской мы-идентичностей в республиканском сегменте и гражданской - на территории с доминированием русского населения. В частности, десятилетие назад в ростовском сегменте в первую тройку по числу ответов попадали возрастные, профессиональные и гражданские комплексы

идентификаций. В Адыгее помимо групп повседневного общения (поколенческих и профессиональных) чаще всего указывали на идентичность с этнокультурной общностью. (Рисунок 2).

Динамика мы-идентичности жителей Юга России проявляется в росте значимости принадлежности к общегражданской общности (31% в 2010 г. и 52% - в 2021 г.) и региональным общностям (к жителям Ростовской области -17% в 2010 г. и 29% - в 2021 г.; к жителям Юга России – 8% и 23%). В Адыгее за указанный период выросли указания на принадлежность к населению Северного Кавказа (11% и 18% соответственно). (Рис. 1-2).

Необходимо здесь отметить, что повышающаяся роль гражданской идентичности для российского населения фиксируется в многолетних опросах Института социологии РАН¹ и Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Согласно исследованиям Федерального агентства по делам национальностей совместно с ВЦИОМ увеличивается степень распространенности и сила общегражданской идентичности. В частности «число людей, отвечающих, что они «часто ощущают связь» с гражданами России, растет: в 2016 г. - 36%, в 2019 - 67%»². Хотя необходимо учитывать, что в качестве участников данных исследований выступает преимущественно русское население.

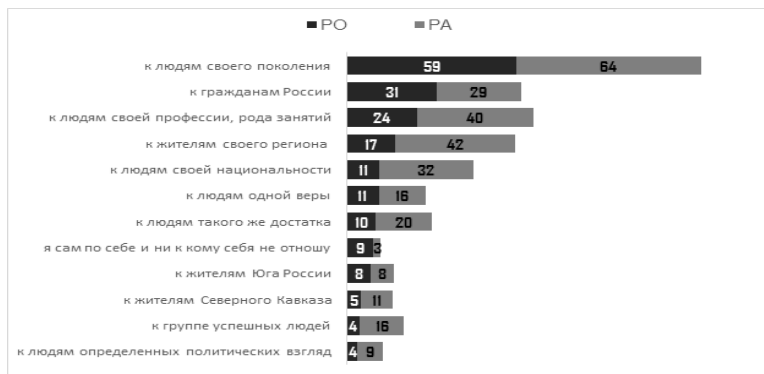

Рисунок 2. «Мы часто встречаем различных людей. С одними мы быстро находим взаимопонимание, другие нам представляются скорее чужими. О каких группах Вы можете сказать: «это мы»? К каким группам людей вы себя чаще всего относите? (не более пяти вариантов)» (в %). Опрос 2010-2011 гг.

¹ Горшков М.К. Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3.

² Дробичева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 486.

Заключение

Проблема формирования устойчивой социетальной интеграции многосоставного Юга России актуализирует изучение групповой идентичности населения региона. Многие современные исследователи и представители государственного управления рассматривают общегражданскую надэтническую идентичность в качестве важнейшего ресурса такой интеграции. Анализ повторно-сравнительных социологических исследований показывает большую важность для представителей республиканского сегмента (Адыгея и Дагестан) этнических, северокавказских и конфессиональных групповых идентификаций. Тогда как для жителей преимущественно русскоязычных территорий (Ростовская область) устойчиво более значима общегражданская идентичность. Сохраняющееся несовпадение структуры мы-идентичности по этнотерриториальным сегментам Юга России сопряжено с рисками дезинтеграции и устойчивости многосоставного макрорегиона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество/Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. – 323 с.
3. Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Курбатов В.И., Сериков А.В. Общероссийская и этническая идентичность на юге России: соотношение и ресурсы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. №4. С. 156-161.
4. Горшков М.К. Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 11-25.
5. Гофман А.Б. Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. 2015. №11. С. 29-36.
6. Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: ИЭА РАН. 2003. – 764 с.
7. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 76-86.
8. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения юга России // Социологические исследования. 2013. №7. С. 25-34.
9. Дробижина Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480-498.
10. Дробижина Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность россиян: совместимость или противостояние // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков и др.; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. М.: Весь Мир, 2015. С. 176-197.
11. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. – 568 с.
12. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3-12.

13. Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / ИНИОН РАН. М., 2009. - 290 с.
14. Парсонс Т. Система современных обществ/Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. - 270 с.
15. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2013. - 416 с.
16. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации и на период до 2025 года». В редакции Указа Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703 [<http://kremlin.ru/acts/bank/36512>]
17. Хантингтон С. Кто мы? Вызов национальной американской идентичности. Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. - 635 с.
18. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1993. № 3-4. С. 167-174.
19. Bastos-Trovão S. From local inter-ethnicities to the dynamics of the world-system: Identity debates between Portuguese and British Sunnis in Leicester. In Westin, C., Bastos, J., Dahinden, J., Gois, P. (Eds.), Identity processes and dynamics in multiethnic Europe (pp. 149-178). 2010. Amsterdam, Netherlands: Amsterdam University Press.

REFERENCES

1. Bauman Z. Individualized society [*Individualizirovannoe obshchestvo*]/ Trans. from English. edited by V. L. Inozemtsev. M.: Logos, 2005 - - 390 p.
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge [*Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sociologii znaniya*]/ Translated from English by E. Rutkevich. M.: Academia-Center; Medium, 1995. - 323 p.
3. Volkov Yu. G., Denisova G. S., Kurbatov V. I., Serikov A.V. All-Russian and ethnic identity in the South of Russia: correlation and resources [*Obshcherossiyskaya i etnicheskaya identichnost' na yuge Rossii: sootnosheniye i resursy*]/ State and municipal management. Scientific notes. 2017. No. 4. pp. 156-161.
4. Gorshkov M. K. The role of the state in the preservation and development of national and civic identity and confidence building in the context of global processes [*Rol' gosudarstva v sohraneni i razviti natsional'noj i grazhdanskoj identichnosti i ukreplenii doveriya v kontekste global'nyh processov*]/ Humanities of the South of Russia. 2013. No. 3. pp. 11-25.
5. Hoffman A. B. Conceptual approaches to the analysis of social unity [*Konceptual'nye podhody k analizu social'nogo edinstva*]/ Sociological research. 2015. No. 11. pp. 29-36.
6. Guboglo M. N. Identification of identity. Ethnosociological essays [*Identifikatsiya identichnosti. Etnosociologicheskie ocherki*]. Moscow: IEA RAS. 2003 - - 764 p.
7. Danilova E. N. Changes in social identifications of Russians [*Izmeneniya v social'nyh identifikatsiyah rossiyan*]/ Sotsiologicheskii zhurnal. 2000. No. 3/4. pp. 76-86.
8. Denisova G. S., Klimenko L. V. Features of the regional identity of the population of the South of Russia [*Osobennosti regional'noi identichnosti naseleniya yuga Rossii*]/ Sociological research. 2013. No. 7. pp. 25-34.
9. Drobizheva L. M. The meanings of the all-Russian civil identity in the mass consciousness of Russians [*Smysly obshcherossiyskoj grazhdanskoj identichnosti v massovom soznanii rossiyan*]/ Monitoring public opinion:

economic and social changes. 2020. No. 4. pp. 480-498.

10. Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. Civil and ethnic identity of Russians: compatibility or confrontation [*Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost' rossiyan: sovmestimost' ili protivostoyanie*]// Russian society and challenges of the time. Book two / M. K. Gorshkov et al.; ed. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. M.: The Whole World, 2015. pp. 176-197.

11. Zaslavskaya T. I. Societal transformation of Russian society: an active and structural concept [*Societal'naya transformaciya rossijskogo obshchestva: deyatel'no-strukturnaya koncepciya*]. Moscow: Delo, 2002. - 568 p.

12. Lapin N. I. Sociocultural approach and societal-functional structures [*Sociokul'turnyj podhod i societal'no-funkcional'nye struktury*]// Sociological research. 2000. No. 7. pp. 3-12.

13. Mfa J. G. Selected works [*Izbrannoe*]: Collection of translations / INION RAS, Moscow, 2009. - 290 p.

14. Parsons T. The system of modern societies [*Sistema sovremennyh obshchestv*]// Translated from the English by L. A. Sedov and A.D. Kovalev. Edited by M. S. Kovaleva. M.: Aspect Press, 1998 – - 270 p.

15. Problems of socio-cultural modernization of the regions of Russia [*Problemy sociokul'turnoj modernizacii regionov Rossii*]// Comp. and the general editorship of N. I. Lapin, L. A. Belyaeva. M.: Academia, 2013 – - 416 p.

16. Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 of 19.12.2012 «On the strategy of the state national policy of the Russian Federation and for the period up to 2025» [*Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 «O strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii i na period do 2025 goda*»]. As amended by the Decree of the President of the Russian Federation No. 703 of 06.12.2018 [<http://kremlin.ru/acts/bank/36512>]

17. Huntington S. Who are we? The challenge of the national American identity [*Kto my? Vyzov nacional'noj amerikanskoj identichnosti*]. Translated from the English by A. Bashkurov. M.: LLC «Publishing House ACT»: LLC «Transitkniga», 2004 – - 635 p.

18. Yadov V. A. Social and socio-psychological mechanisms of the formation of a person's social identity [*Social'nye i social'no-psihologicheskie mekhanizmy formirovaniya social'noj identichnosti lichnosti*]// The world of Russia. 1993. No. 3-4. pp. 167-174.

19. Bastos-Trovão S. From local inter-ethnicities to the dynamics of the world-system: Identity debates between Portuguese and British Sunnis in Leicester. In Westin, C., Bastos, J., Dahinden, J., Gois, P. (Eds.), Identity processes and dynamics in multiethnic Europe (pp. 149-178). 2010. Amsterdam, Netherlands: Amsterdam University Press.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

ЛУЦЬКАЯ Екатерина Евгеньевна
кандидат философских
наук, доцент, доцент,
Московский педагогический
государственный
университет, Москва, Россия
ee.lutskaya@m.mpgu.edu

LUTSKAYA Ekaterina Evgenievna
PhD in Philosophy, Associate
Professor, Moscow State
Pedagogical University,
Moscow, Russia
ee.lutskaya@m.mpgu.edu

КОНОПЛИН Юрий Сергеевич
доктор политических
наук, профессор,
Московский педагогический
государственный
университет, Москва, Россия
yu.konoplin@mmpgu.su

KONOPLIN Yuriy Sergeevich
Doctor of Science in Political
Studies, Professor, Moscow State
Pedagogical University,
Moscow, Russia
yu.konoplin@mmpgu.su

Обеспечение безопасной коммуникации детей в интернете как задача современной российской школы/ Ensuring safe communication of children on the internet as a task of a modern russian school

Аннотация

В статье поднята тема участия школ в формировании безопасного поведения детей и подростков в интернете. Изложены результаты авторского эмпирического исследования, предпринятого с целью выяснить ситуацию с представленностью темы интернет-безопасности детей на официальных сайтах российских школ. Анализ результатов исследования говорит о том, что далеко не все российские школы осознают свою роль в формировании у детей навыков безопасного поведения в Сети и свои возможности в работе с родителями. Авторы предлагают меры, направленные на улучшение ситуации.

Ключевые слова

Интернет; безопасная коммуникация детей в интернете; школа; школьный сайт; социализация.

Abstract

The article raises the topic of the participation of schools in the formation of safe behavior of children and adolescents on the Internet. The results of the author's empirical research undertaken to find out the situation with the presentation of the topic of Internet safety of children on the official websites of Russian schools are presented. The analysis of the results of

the study suggests that not all Russian schools are aware of their role in the formation of children's skills of safe behavior in the Network and their capabilities in working with parents. The authors propose measures aimed at improving the situation.

Keywords

Internet; safe communication of children on the Internet; school; school website; socialization.

Анализ международного опыта обеспечения безопасной коммуникации детей в интернете позволяет говорить о наработке большинством развитых стран богатого опыта разработки и внедрения законодательства, регулирующего интернет-безопасность детей и подростков. Некоторые страны пошли по пути выстраивания жёстких мер аппаратно-программного контроля и штрафов (КНР, Испания, Германия и др.)¹, другие, приняв, определенные шаги для программно-аппаратного контроля сферы интернета, сосредоточились на осознанном формировании медиаграмотности подрастающего поколения (Франция, США и др.)². России же предстоит выбрать свой путь, который будет адекватно воспринят нашим обществом. Перед современной отечественной школой стоят обширные задачи не только по образованию, но и по воспитанию подрастающего поколения. Школа должна не просто снабдить ученика запасом знаний, но научить его умелому обращению с огромным массивом информации, дать навыки информационной гигиены и медиаграмотности.

Не будет ошибкой согласиться с мнением отечественного ученого М.Д.Матюшкиной о том, что на сегодняшний день все виды и формы образования так или иначе связаны с интернетом, который выступает как ресурс и среда формального, неформального и информального образования. С одной стороны, в пространстве Сети имеются «доступные» интернет-ресурсы, которые являются значимым фактором образования, поскольку могут отчасти заменять уроки и содействовать ученику, желающему не ограничивать себя одним учебником. Любой ученик может найти интернет-ресурсы для тренировки навыков, необходимых для сдачи ОГЭ или ЕГЭ. На традиционных занятиях в классе грамотный учитель использует интернет-ресурсы самого разного плана, а так называемое информальное образование (чтение, экскурсии, общение, просмотр

¹ Хохлова Н.И. Обеспечение детской безопасности в Интернете: российский опыт и зарубежные инициативы // Пространство и время. – 2012. – №1(7). – С. 87-92. Международный опыт в области защиты детей от нежелательной информации в интернете [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.cossa.ru/152/23475/> Дата обращения: 20.02.2020

² Юрченко О.П. Вопросы информационной безопасности школьников в теории и практике современного французского медиаобразования // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 22. – (313) Вып. 81. – С. 302–305

кинофильмов и др.) все чаще происходит в виртуальном формате. Опыт внезапно введенного дистанционного обучения в пандемию Covid-19 показал, что ни интернет-ресурсы, ни обучение в Skype не заменят живое общение учеников и учителя, но использовать интернет как дополнительный ресурс для повышения эффективности работы школы необходимо. В своей работе мы сознательно обходим тему дистанционного обучения и связанные с нею проблемы, поскольку она находится за рамками поставленной нами цели исследования.

Для современных молодых людей интернет является благом, ценностью с очень высоким приоритетом, от которого невозможно отказаться. С точки зрения М.Д.Матюшкиной, практики репетиторства и интернет-ресурсы выполняют одновременно и государственный заказ на подготовку к итоговой аттестации по предметам, и социальный запрос на индивидуализацию образования, что обязывает эффективные школы максимально включать в свой арсенал доступные интернет-технологии и ресурсы, чтобы дать шанс быть успешными ученикам, желающим самостоятельно заниматься. Школа не может быть социально эффективной без учителей, владеющих информационными технологиями, без их участия в дистанционном образовании и в сетевых проектах.¹ Современные школьные задания по многим предметам теперь часто начинаются со слов «Найдите в интернете ...» или «Совместно с родителями найдите в Сети...», а информационная среда школьников всё в большей степени формируется из электронных источников. И здесь встает вопрос о достоверности и безопасности этих источников.

Содержание информации в Сети регулируется на уровне государственной политики. Ведущим органом, занимающимся регулированием вопросов Сети Интернет, является Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Именно Роскомнадзор блокирует страницы с нежелательным контентом (наркотики, суицид, экстремизм и др.). Но в школе за формирование безопасной информационной среды и обеспечение информационной безопасности учащихся в образовательном процессе совместно отвечают педагоги и родители. Существуют различные способы и механизмы контроля информационных потоков, в которые погружается ребенок. Одним из самых распространенных способов отслеживания является использование DNS-серверов с функцией фильтрации контента, благодаря которым ребенок не сможет получить доступ к нежелательному контенту.

Для школы одной из необходимых мер по формированию безопасной информационной среды являются использование средств контентной фильтрации, которые блокируют ресурсы по сетевому

¹ Матюшкина М.Д. Эффективность школы и её критерии в современных условиях распространения репетиторства и доступности интернета // Непрерывное образование: XXI век. 2019 - № 1 (25). С. 53–64

адресу сайта. Однако одних средств фильтрации мало, надо, чтобы педагог умел доводить до учащихся и их родителей информацию о необходимости ограничения доступа к нежелательному контенту и мог проводить профилактические беседы о сетевых опасностях. Родителей необходимо убеждать в необходимости установки программ типа «Родительский контроль», которые позволяют настраивать время нахождения ребенка в интернете, время работы приложений, ограничивать доступ к определенным ресурсам или группам ресурсов, ведут историю посещения веб-страниц.¹

По мнению отечественного исследователя-юриста А.Я.Минина, информационная безопасность в образовании включает в себя три составляющие: конфиденциальность – защиту личной информации учащихся и педагогов от несанкционированного доступа; целостность – защиту точности и полноты информации и программного обеспечения учебного процесса; доступность – обеспечение доступности информации для учебного процесса, а также основных информационно-библиотечных услуг для учащегося в нужное для него время – как в рамках учебного процесса в школе, так и вне ее для индивидуальной работы дома². Поэтому перед школой стоят задачи обеспечения сохранности персональных данных, обеспечения доступа учащихся к информационным ресурсам и контроля за адекватностью предлагаемых школой информационных ресурсов (уроки, тесты, энциклопедии и пр.). Школа является проводником информационной политики государства, её роль состоит, прежде всего, в том, чтобы транслировать рекомендации учащимся и их родителям. Учет мнений заинтересованных сторон (детей и их родителей, школы, общества) относительно обеспечения интернет-безопасности становится важным для формирования адекватной информационной политики и для определения направлений развития медиаграмотности. Наиболее важные решения и действия в медиасфере должны базироваться на широком общественном обсуждении и являться предметом договора различных социальных групп. С нашей точки зрения, именно школе как базовому институту образовательной системы должна принадлежать ключевая роль в организации диалога с детьми, родителями и другими представителями заинтересованных сторон по вопросам формирования мероприятий, направленных на обеспечение интернет-безопасности.

Большую роль в этом должен играть школьный сайт.³ На данный момент все школы РФ имеют собственный сайт, на котором размещают не только традиционную информацию (историю школы,

¹ Ильин А.С., Гнедков А.В., Худорожков И.В. Роль образовательной организации в обеспечении информационной безопасности учащихся // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. – 2017. – № 2(3) . – С.77-79

² Минин А. Я. Информационные технологии в образовании. – М.: МПГУ, 2016. – С.117– 118

³ Вальдман И.А. Сайт школы как инструмент для обеспечения общественного участия в образовании // Вопросы образования. – 2009. - № 3. – С. 129-144

контактную информацию, информацию о наборе учащихся, сведения об администрации и учителях, устав школы, сведения о заработной плате учителей и т.п.), но и данные по наиболее важным для них направлениям работы, к которым, с нашей точки зрения, относится интернет-безопасность. Основным инструментом влияния на эту сферу является сайт школы. Поэтому наличие или отсутствие на школьном сайте информации по нашему вопросу, ориентированной на детей и на родителей, может служить реальным индикатором того, насколько школа признает важность темы интернет-безопасности и ориентирована на поддержку общественного участия в деятельности по её обеспечению.

С целью выяснить ситуацию с состоянием представленности темы интернет-безопасности детей на официальных сайтах российских школ было проведено авторское социологическое исследование «Отражение темы интернет-безопасности на официальных сайтах российских школ». Оно проводилось в январе-апреле 2021г. методом контент-анализа, Е.Е.Луцкой были обследованы разделы, посвященные интернет-безопасности, размещенные на сайтах 150 российских школ, четырех типов регионов. Типы регионов выбраны исходя их концепции Н.Зубаревич: 1) мегаполисы и крупные города с населением 1 миллион человек (Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск и др.) – 30 сайтов (20%); 2) средние промышленные города с численностью населения от 50 тысяч до 500-700 тысяч человек (Череповец, Нижний Тагил, Магнитогорск и др.) – 60 сайтов (40%); 3) малые города (численность населения до 50000 тысяч человек), села и поселки городского типа – 45 сайтов (30%); 4) республики Северного Кавказа (Дагестан и др.) и юга Сибири (Алтай, Тыва) – 15 сайтов (10%). Был проведен как количественный анализ (наличие сообщений о мероприятиях по информационной безопасности, информационных материалов для учеников и родителей), так и качественный анализ информационного наполнения школьных сайтов и выявление на этой основе их возможностей в обеспечении учащихся и их родителей актуальной информацией о безопасной коммуникации в Сети. Наличие мероприятий по интернет-безопасности выявлялось по разделам «Новости» и «Мероприятия» или по плану воспитательной работы, размещенном на официальном сайте школы (далеко не все школы его размещают, только отдельные школы имеют план работы по информационной безопасности).

Объектом в нашем исследовании являются сведения о мероприятиях по информационной безопасности и методические рекомендации по информационной безопасности, размещенные на сайтах образовательных организаций.

Предметом исследования для нас является адекватность размещенных на сайтах образовательных организаций задачам повышения осведомленности учащихся и их родителей в отношении

информационной безопасности и безопасного поведения в Сети.

Была выдвинута гипотеза исследования о том, что в целом все школы имеют на своем сайте какую-то информацию на тему интернет-безопасности, но в большинстве случаев она не может привлечь к себе внимание учащегося или его родителей, поскольку носит формальный характер.

Каковы же основные результаты исследования? Какие-либо материалы (памятки, брошюры и пр.) по проблеме интернет-безопасности, адресованные ученикам, содержатся на 71% рассмотренных нами школьных сайтов. При этом только 59% школьных сайтов имеют информационные материалы по данной теме, адресованные родителям.

Самая лучшая ситуация с размещением материалов, адресованных ученикам, наблюдается в школах крупных и средних городов, где 79% школьных сайтов содержат необходимую для детей информацию. Самая худшая ситуация – в школах республик Северного Кавказа и юга Сибири, где таких школьных сайтов всего 53%.

В явном большинстве (68%) школ крупных и средних городов в разделах «интернет-безопасность» их сайтов есть и информация для родителей, в то время как в школах мегаполисов разделы для родителей содержат всего 43% школьных сайтов.

По всей выборке в целом сайты всего 39% попавших в выборку школ содержат сведения о проводимых мероприятиях, направленных на развитие навыков и информированности в сфере интернет-безопасности, на сайтах 61% российских школ отсутствуют какие-либо упоминания об этой важной сфере. При этом в мегаполисах всего 20% школьных сайтов содержат сообщения о мероприятиях в разделе «Новости», тогда как на сайтах школ крупных и средних городов – 47%.

Качественный контент-анализ самих представленных по теме интернет-безопасности материалов показал, что качество этих материалов достаточно низкое – как правило, это либо файлы с текстом про основные опасности интернета, либо совокупность памяток, в лучшем случае как-то проиллюстрированных. С нашей точки зрения, наблюдается дефицит высококачественных иллюстрированных буклетов по теме безопасной коммуникации детей в интернете. Лишь пятая часть школ (21%) имеет на своем сайте дополнительный контент в виде интересных брошюр, мультфильмов и видеороликов.

Следует отметить также, что зачастую этот контент на школьном сайте сложно найти, даже имея такую задачу. Далеко не все сайты имеют разделы «Информационная безопасность» или соответствующий подраздел внутри отдела «Безопасность». Нам встречались варианты размещения этих материалов в разделах «Условия обучения», «Информатизация», «Родителям» и др. Чтобы найти памятку на сайтах московских школ, надо потрудиться – как правило, она расположена в разделе «Дополнительные сведения. Защита персональных данных» и обозначена как «Памятка с советами по безопасному поведению в сети Интернет», по ссылке идет переход

на <https://static.mskobr.ru/docs/recom/pamyatka.jpg> (Школа цифровой грамотности с совенком Сэйвом). Московские школьные сайты сделаны по одному шаблону, поэтому сложности с поиском материала по безопасному поведению в сети являются общей проблемой.

На некоторых официальных сайтах российских школ также представлен некоторый «стандартный набор» безопасных сайтов, предлагаемых родителям и ученикам как источники информации по безопасному поведению в Сети и детского и научно-популярного контента. К сожалению, наш осмотр выявил, что большая часть сайтов из этих списков не поддерживается, а некоторые даже утратили домен, на котором был размещен контент. В Таблице 1 приведены примеры сайтов, фигурирующих в осммотренных нами разделах, посвященных интернет-безопасности, с результатами нашего осмотра их содержания.

Таблица 1. Примеры безопасных сайтов, на которые имеются ссылки в разделах, посвященных интернет-безопасности

№	Сайт	Комментарий
1	http://detionline.com/ - Дети России Онлайн	все серьезные материалы (брошюры, исследования и пр.) датированы 2019г, новости 2020г., страница «Дети России Онлайн» в Фейсбуке – 2017г.
2	http://www.saferunet.ru - Центр безопасного Интернета России	не поддерживается и не развивается.
3	http://персональныеданные.дети/	сайт «заморожен» в 2015г.
4	http://ligainternet.ru/ – Лига безопасного Интернета	непонятно, с какой периодичностью поддерживается сайт – публикации датированы ноябрем 2020г., новости некоторых разделов – 2016г.
5	Сетевичок.рф	содержит самые общие слова про цифровую грамотность, посвящен квесту на тему интернет-безопасности, сайт застрял на анонсах квеста, датированного 10.2020г.
6	Детский образовательный портал «Солнышко»	ориентирован на дошкольников и младших школьников и их родителей; судя по дизайну, не актуализируется.
7	http://www.murzilka.org – сайт журнала «Мурзилка»	многие разделы сайта не работают.
8	http://www.newseducation.ru/ - «Большая перемена» сайт для школьников и их родителей	сайт загружается, но контент обновлялся последний раз в 2012г.

9	http://www.e-parta.ru/ - блог школьного «Всезнайки»	материалов мало, по датам размещения они распределяются очень странно – январь 2017г. и январь 2020г
10	http://membrana.ru – «Люди. Идеи Технологии». Информационно-образовательный интернет-журнал о новых технологиях.	сайт закрыт, страницы Фейсбука этого журнала датированы 2012г.

Результаты проведенного нами анализа содержания официальных сайтов в части информационной безопасности говорят о том, что выдвинутая нами гипотеза о том, что информация на тему интернет-безопасности в каком-то виде на официальных сайтах имеется, но имеет при этом формальный характер и в силу этого не может привлечь к себе внимание учащегося или его родителей, частично подтвердилась. Частичное подтверждение обусловлено тем фактом, что значительный процент (на 29% просмотренных нами сайтов нет никакой информации по теме безопасного поведения для детей, на 41% отсутствуют сведения для родителей) российских школьных сайтов подобной информации не содержит.

В заключение позволим себе сделать некоторые выводы.

Во-первых, Российская Федерация на данный момент имеет достаточную законодательную базу для формирования безопасной для ребенка интернет-среды¹, но, к сожалению, в стране наблюдается отсутствие достаточного внимания общества и его институтов к практикам осознанного формирования медиаграмотности. Во-вторых, российские школы в большинстве своем осознают роль интернета для учебного процесса и организации коммуникации, о чем говорит наличие соответствующих разделов на школьных сайтах. В-третьих, проведенное нами эмпирическое исследование официальных сайтов школ РФ показало, что большинство российских школ (61%) никак не обозначает на сайтах свое участие в мероприятиях, посвященных интернет-безопасности, а значительная доля школ (29%) не имеет даже соответствующих памяток на своем сайте. Всё это говорит о том, что далеко не все российские школы осознают свою роль в формировании у детей навыков безопасного поведения в Сети и свои возможности в работе с родителями и обладают возможностями размещения качественного контента. Поэтому мы видим необходимость в проведении (под кураторством Министерства просвещения РФ) конкурса среди дизайн-студий на разработку комплекта визуально привлекательных и информационно содержательных памяток и видео-

¹ Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. - № 297. - 31.12.2010 Рыбакова О.С. Законодательное регулирование обеспечение безопасности ребенка в интернет-пространстве // Правовая информатика. – 2017. – № 4. – с.49-54/

роликов для учащихся и их родителей по теме безопасного поведения в Сети, чтобы любая школа могла разместить добротный контент по интернет-безопасности детей на своём официальном сайте.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. - № 297. - 31.12.2010
2. Вальдман И.А. Сайт школы как инструмент для обеспечения общественного участия в образовании // Вопросы образования. - 2009. - № 3. - С. 129-144.
3. Зубаревич Н.В. Четыре России и новая политическая реальность [Эл. ресурс] Режим доступа: http://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (дата обращения 12.12.2020).
4. Ильин А.С., Гнедков А.В., Худорожков И.В. Роль образовательной организации в обеспечении информационной безопасности учащихся // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. - 2017. - № 2(3). - С.77-79.
5. Матюшкина М.Д. Эффективность школы и её критерии в современных условиях распространения репетиторства и доступности интернета // Непрерывное образование: XXI век. 2019 - № 1 (25). С. 53–64
6. Международный опыт в области защиты детей от нежелательной информации в интернете [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.cossa.ru/152/23475/> (дата обращения: 20.02.2020)
7. Минин А. Я. Информационные технологии в образовании. - М.: МПГУ, 2016. - С.117– 118.
8. Рыбакова О.С. Законодательное регулирование обеспечение безопасности ребенка в интернет-пространстве // Правовая информатика. - 2017. - № 4. - с.49-54.
9. Хохлова Н.И. Обеспечение детской безопасности в Интернете: российский опыт и зарубежные инициативы // Пространство и время. - 2012. - №1(7). - С. 87-92.
10. Юрченко О.П. Вопросы информационной безопасности школьников в теории и практике современного французского медиаобразования // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. - 2013. - № 22. - (313) Вып. 81. - С. 302–305.

REFERENCES

1. Federal Law No. 436-FZ of 29.12.2010 (as amended on 01.05.2017) "On the protection of children from information that harms their health and development" [O zashchite detei ot informatsii prichiniaushchei vred ikh zdoroviu i razvitiuu] // Rossiyskaya Gazeta. - № 297. - 31.12.2010
2. Valdman I.A. The school's website as a tool for ensuring public participation in education [Sait shkoly kak instrument dlia obespecheniia obshchestvennogo uchastiia v obrazovanii] // Education issues. 2009. No 3 Pp. 129-144. (in Russ.)
3. Zubarevich N. V. Four Russia and the new political reality [Electronic resource] Access mode: http://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (Access date: 12.12.2020.) (in Russ.)
4. Ilyin A. S., Gnedkov A.V., Khudorozhkov I. V. The role of an edu-

cational organization in ensuring the information security of students [*Roľ obrazovatel'noi organizatsii v obespechenii informatsionnoi bezopasnosti uchashchikhsia*]// Scientific and methodological support for the assessment of the quality of education. – 2017. – № 2(3) . – Pp. 77-79 (in Russ.)

5. Matyushkina M. D. The effectiveness of the school and its criteria in the modern conditions of the spread of tutoring and the availability of the Internet [*Effektivnost' shkoly i ee kriterii v sovremennykh usloviakh rasprostraneniia repetitorstva i dostupnosti interneta*]// Continuing education: the XXI century. 2019-No. 1 (25). Pp. 53-64 (in Russ.)

6. International experience in the field of protection of children from unwanted information on the Internet [Electronic resource]. Access mode : <https://www.cossa.ru/152/23475/> (Access date: 20.02.2020.) (in Russ.)

7. Minin A. Ya. Information technologies in education [*Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii*]. - Moscow: MPSU, 2016. - Pp. 117-118 (in Russ.)

8. Rybakova O. S. Legislative regulation of ensuring the safety of a child in the Internet space [*Zakonodatel'noe regulirovanie obespechenie bezopasnosti rebenka v internet-prostranstve*] // Legal Informatics. - 2017. - No. 4. - p. 49-54 (in Russ.)

9. Khokhlova N. I. Ensuring children's safety on the Internet: Russian experience and foreign initiatives [*Obespechenie detskoï bezopasnosti v Internetе rossiiskii opyt i zarubezhnye initsiativy*] // Space and time. – 2012. – №1(7). – Pp. 87-92 (in Russ.)

10. Yurchenko O. P. Questions of information security of schoolchildren in the theory and practice of modern French media education [*Voprosy informatsionnoi bezopasnosti shkolnikov v teorii i praktike sovremennogo frantsuzskogo mediaobrazovaniia*] // Bulletin of the Chelyabinsk State University: Philology. Art history. – 2013. – № 22. – (313) Issue 81. - pp. 302-305 (in Russ.)

*РЫБАКОВ Андрей Вячеславович
доктор политических
наук, профессор,
Московский авиационный
институт (национальный
исследовательский
университет), Москва, Россия
rybackov@rambler.ru*

*RYBAKOV Andrey
Vyacheslavovich
Doctor of Political Science,
Professor, Moscow Aviation
Institute (National Research
University), Moscow, Russia
rybackov@rambler.ru*

Миграционная политика ЕС: новое нормативно- правовое измерение/EU migration policy: a new regulatory dimension

Аннотация

Миграционная политика Европейского союза представляется ключевым трендом в обеспечении безопасности стран Европейского союза. Миграционный кризис, сформировавший финансовое, культурологическое, криминогенное давление на все государства-члены союза выявил целый ряд проблем – от отсутствия соответствующей правовой базы, регулирующей массовую миграцию до глубоких разногласий между различными политическими силами и государствами. Соответственно для преодоления кризиса стали необходимы новые правовые и организационные форматы, которые позволили бы совместить общую линию Европейского союза в сфере миграции с национальными интересами государств-членов. Это нашло выражение в принципе так называемой «гибкой» солидарности.

В статье рассмотрены актуальные проблемы миграционной политики ЕС. Проанализированы нормативно-правовые документы, принятые для урегулирования данного вопроса в 2020-2021 гг. Отмечены позиции сторонников и противников современной миграционной политики среди лидеров государств-членов ЕС. Делается вывод о сомнительности совмещения принципов солидарности и справедливого распределения ответственности в миграционной политике, проводимой Европейской комиссией.

Ключевые слова

Миграционная политика; миграция; убежище; возвращение; реинтеграция; Европейский союз; Европейская комиссия.

Abstract

The migration policy of the European Union appears to be a key trend in ensuring the security of the countries of the European Union. The migration crisis, which formed financial, cultural, and criminal pressure on all member states of the Union, revealed a number of problems - from the lack of an appropriate legal framework regulating mass migration to deep disagreements between various political forces and states. Accordingly, to overcome the crisis, new legal and organizational formats have become

necessary, which would make it possible to combine the common line of the European Union in the field of migration with the national interests of the member states. This has found expression in the principle of flexible solidarity, which is at the heart of an effective and secure European migration policy.

The article deals with the current problems of the EU migration policy. Analyzed the regulatory and legal documents adopted to resolve this issue in 2020-2021. The positions of supporters and opponents of modern migration policy among the leaders of the EU member states are noted. The conclusion is made about the doubtfulness of combining the principles of solidarity and fair distribution of responsibility in the migration policy pursued by the European Commission.

Keywords

Migration policy; migration; refuge; return; reintegration; European Union; European Commission.

Международная миграция стала важной характеристикой мирового порядка. Как глобальное явление, она оказывает влияние на все государства мира, делая их местом происхождения, приема или транзита для мигрантов. Проблема миграции актуализировалась, когда даже на международном уровне стали ощущаться ее социально-экономические и общественно-политические последствия. Так, одним из мировых миграционных трендов стало массовое и неконтролируемое прибытие мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки в Европу в 2014-2016 гг., получившее название «миграционный кризис».

В ходе политических дискуссий в тот период сформировались два противоположных подхода к определению данного кризиса в контексте безопасности: 1) как вызов, на который следует своевременно реагировать, 2) как угроза, которой нужно противостоять. При первом подходе кризисные явления рассматриваются как проблемная ситуация, формирующая ряд задач, которые необходимо решить Европейскому союзу (далее – ЕК), государствам-членам ЕС, Турции, государствам Ближнего Востока, в том числе странам приема, транзита и происхождения беженцев и мигрантов, а также представителям международного сообщества – гуманитарным организациям.

В рамках второго подхода неконтролируемая миграция трактовалась как кризисное явление с исключительно негативным воздействием и деструкцией, направленными на государства-члены ЕС и ЕС в целом.

Сторонниками трактовки кризиса как вызова являлись Европейская Комиссия, Германия, скандинавские государства. К адептам противоположного подхода можно отнести государства Вишеградской группы (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия), а также Австрия.¹

¹ Andrey V. Rybakov; Daniil A. Kvon Migratory crisis in the European Union: origin, characteristics and measures for countering it// <https://amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/43>

С одной стороны, европейские государства не могли просто закрыть границы и игнорировать мигрантов – это поставило бы под сомнение декларируемые ими моральные принципы. С другой стороны, значительная часть местного населения не готова жить рядом с мусульманскими мигрантами. Эта ксенофобия связана не только с культурно-религиозными различиями, но и со страхом перед терактами и радикальным исламом. Ситуацию усложняло отсутствие консенсуса в ЕС по урегулированию кризиса. Квотное распределение, на котором настаивали официальные институты ЕС, не удовлетворяло ряд государств Центральной и Восточной Европы. Некоторые из этих государств не принимали беженцев, или же принимали мизерное количество. Одни государства перекрывали границы, другие, наоборот, без контроля пропускали мигрантов в пределы ЕС. Миграционное соглашение ЕС и Турции – лишь временная мера. Экономические перспективы от наплыва потенциальной рабочей силы, как считали противники миграции, нивелируются необходимостью перераспределять бюджет в ущерб гражданам государств-членов ЕС, интегрировать беженцев и создавать для них рабочие места. Очевидно, что неконтролируемая миграция является комплексной проблемой, содержащей много внутренних противоречий, и ЕС еще далек от выработки единой и эффективной политики в области неконтролируемой миграции. Как отмечает Форет И.В.: «Общие документы ЕС прописывают процедуру реализации миграционной политики в целом и политики в отношении мигрантов в частности, но фактически оказываются нерабочими, потому что современный миграционный кризис, с одной стороны, показал неготовность и нежелание стран – членов ЕС проводить общую политику и, с другой стороны, доказал, что элиты национальных государств склонны придерживаться в большей степени национальных интересов, а не общеевропейских ценностей и принципов».¹

Сегодня можно констатировать, что генезис, развитие и последствия миграционного кризиса сформировали целый комплекс проблем, решение которых даже при всех возможностях и солидарной позиции государств-членов ЕС представляется крайне сложной задачей, особенно с учетом отсроченных эффектов.

Тем не менее, ЕС признает, что, иммиграция в Европу в той или иной форме – это реальность и будет таковой в будущем. В частности, представители Европейской комиссии неоднократно подчеркивали, что иммиграция приносит пользу не только людям, переезжающим в ЕС, но и принимающим сообществам. Иммигранты могут восполнить недостаток рабочей силы, от квалифицированных специалистов, дефицит которых уже ощущается в ЕС, до работников, выполняющих неквалифицированную работу, за которую граждане ЕС не хотят браться. Для ЕС рабочая сила становится все более

¹ Форет И.В. Правовое регулирование миграции в Европейском Союзе // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 10А. С. 116

важной и с учетом текущих и будущих демографических вызовов. Для стран происхождения экономические выгоды от миграции очевидны - сокращение бедности за счет денежных переводов и инвестиционные инициативы диаспоры. Финансовый, человеческий и социальный капитал диаспор также может непосредственно способствовать достижению целей социальной и культурной гармонизации. Однако выгоды от иммиграции могут быть получены только в том случае, если иммигранты успешно интегрируются в принимающее общество. Конечно, это двусторонний процесс. Иммигранты должны уважать правила и ценности общества, которое их принимает, а последнее должно предоставить иммигрантам возможности для полноценного участия в жизни общества. К ним относятся изучение языка, учеба или работа, а также пользование теми же правами, что и граждане ЕС. Такова фундаментальная позиция Европейского союза по поводу иммиграции.¹

В чем заключается общий подход ЕС к управлению миграцией? В ЕС, состоящем из 27 государств-членов, где большинство внутренних границ было отменено и где люди могут свободно передвигаться, миграция не может регулироваться одной страной. Поэтому необходимо, чтобы государства-члены ЕС сотрудничали в области управления миграцией. В то же время крайне важно в полной мере использовать внешние аспекты политики ЕС в области миграции и мобильности и укреплять сотрудничество с соседями и стратегическими партнерами. При этом государства-члены ЕС несут основную ответственность за определение процедур въезда иммигрантов на свою территорию и принятие решения о количестве трудовых иммигрантов, которых они примут. Чтобы дополнить и гармонизировать национальную иммиграционную политику, ЕС создает общую правовую базу. Так за последний год Европейская комиссия (далее – ЕК) выпустила два важных документа, которые призваны существенно изменить общую миграционную политику ЕС.

23 сентября 2020 г. ЕК представила Новый Пакт о миграции и убежище (New Pact on Migration and Asylum),² который вступит в силу не ранее 2023 г. во всех 27 странах ЕС, так как должен пройти обсуждение в Совете ЕС и Европарламенте. Предложенный в нем механизм предусматривает более полный подход ко всем аспектам миграции, касается управления на границах и призван обеспечить более четкую согласованность внутренней и внешней политики ЕС.

Документ охватывает три главных измерения миграционного вопроса - прием людей на границе, распределение ответственности

¹ Communication from the commission to the european parliament and the council The EU strategy on voluntary return and reintegration. // https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/default/files/e-library/docs/brochure-migration-and-asylum/brochure_asylum_and_migration_en.pdf

² Communication from the commission to the european parliament, the council, the european economic and social committee and the committee of the regions on a New Pact on Migration and Asylum // https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/1_en_act_part1_v7_1.pdf

между странами ЕС и сотрудничество со странами, откуда прибывает большая часть беженцев.

Каковы основные пункты изменений, предлагаемых ЕК?

1. Фактически упраздняется базовое соглашение ЕС по миграции — «Дублинский регламент», которое подразумевает, что приемом и размещением мигрантов должно заниматься то государство Евросоюза, через границу которого они попали на территорию сообщества. Такое положение создавало существенную напряженность из-за нагрузки на государства первой линии прибытия (Греция, Италия и Испания).

2. ЕК предлагает сделать ответственным за подачу заявления то государство, в котором мигрант имеет родственные связи, где он учился, работал или же страну, выдавшей ему визу. Многое будет зависеть от демографического и экономического положения принимающего государства. Принимающие государства смогут получить дотацию в размере 10000 евро на взрослого. В то же время за государством первого прибытия сохраняется обязанность отвечать за ходатайство о предоставлении убежища, в случае отказа от этого других.

3. В целом государствам ЕС предоставляется выбор (система «гибких вкладов»): или принять определенное количество мигрантов, которые имеют легальное право оставаться на территории содружества, либо же организовать депортацию аналогичного числа лиц, которые не имеют права оставаться в ЕС.

4. Усиливается контроль прибывающих в ЕС мигрантов и до пяти дней сокращается процедура отправки обратно тех лиц, которые не имеют права на получение убежища. Предполагается также тщательная проверка еще на границе всех людей, которые нелегально пересекают границы ЕС или были спасены в море. Если раньше брали только отпечатки пальцев, теперь будут осуществлять также проверку по безопасности, состоянию здоровья и сразу разделять мигрантов на разные «потoki», в зависимости от того, какая следующая процедура их ждет. В рамках этой пограничной процедуры предусматриваются быстрые решения о том, может ли человек рассчитывать на убежище, или должен вернуться.

5. Активизируется сотрудничество со странами происхождения, откуда люди пытаются попасть в ЕС. С одной стороны, предполагается оказывать помощь этим странам, чтобы улучшать в них качество жизни и устранять причины, побуждающие людей к миграции, а параллельно - бороться с бизнесом нелегальных перевозчиков, которые организуют лодки для беженцев, и наладить процедуру возврата тех, кому ЕС отказал в предоставлении убежища.

6. В проекте делают больший акцент на систему возвращения мигрантов, которым отказали в предоставлении убежища. В частности, предлагается усовершенствовать законодательство и создать должность Координатора по вопросам возвращения, с сетью национальных представителей, чтобы обеспечить координацию

политики в различных странах-членах.¹

В то же время государства «Вишеградской» группы и другие продолжают выступать против любых обязательств по перераспределению просителей убежища. Так, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан считает, что это плохой план. «В предложениях сохранилось распределение и квоты, хотя их теперь и называют по-другому, — отметил он. — Этого недостаточно». К тому же венгерский политик настаивает на том, что нужно не регулировать миграцию, а остановить её. Он также предложил договориться с североафриканскими странами о создании пунктов приёма беженцев за пределами ЕС. Его идею поддержал и премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий, который также выступает за ужесточение миграционного контроля на границах союза. Для чешского премьера Андрея Бабиша тоже всё очевидно: «Я придерживаюсь той же политики, что и Виктор Орбан, потому что мы должны остановить незаконную миграцию». «И нам нужна долговременная стратегия для таких стран как Ливия или Сирия, мы должны всё сделать для того, чтобы люди там оставались», — добавил он.²

А вот, «средиземноморские страны – Италия, Испания и Греция, на долю которых приходится наибольшее миграционное давление, — отмечает Потемкина О.Ю. - наоборот, изначально настаивали именно на распределительном подходе. Вопрос солидарности государств-членов остаётся открытым и спорным».³

Тем не менее, переговоры и дискуссии продолжаются в Европарламенте и Европейском совете.

27 апреля 2021 г. ЕК представила Стратегию ЕС по добровольному возвращению и реинтеграции (The EU strategy on voluntary return and reintegration).⁴ Ежегодно около 500 000 иностранных граждан получают приказ покинуть ЕС из-за того, что они въехали или пребывают в государстве-члене ЕС нерегулярно. Однако только около 30% из них возвращаются на родину или в страну, из которой они приехали в ЕС.⁵ Соответственно, данный документ направлен на увеличение числа добровольных возвращений и повышение качества поддержки, предоставляемой репатриантам. Фактически он реализует Новый пакт о миграции и убежище. Таким образом, по мнению ЕК, должна повышаться общая эффективность системы возврата ЕС.

Что понимается под добровольным возвращением и устойчивой

¹ Принять или выслать? ЕС представил миграционную стратегию «обязательной солидарности» // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9529697>

² Dar Erste: новый миграционный пакт ЕС пришелся не по душе Восточной Европе // <https://russian.rt.com/inotv/2020-09-27/Das-Erste-novij-migracionnij-pakt>

³ Потемкина О. Европейский Союз в ожидании пакта о миграции и убежище // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2020. №4. (16), с. 71-77

⁴ The EU strategy on voluntary return and reintegration // https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/default/files/pdf/27042021-eu-strategy-voluntary-return-reintegration-com-2021-120_en.pdf

⁵ Return & readmission // https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/irregular-migration-return-policy/return-readmission_en

реинтеграцией?

Добровольное возвращение - это независимое или поддерживаемое возвращение лица, не имеющего права оставаться в ЕС в свою страну происхождения или транзита, по собственному желанию. Для поощрения и облегчения добровольного возвращения государства-члены могут предложить помощь возвращающемуся, например, путем покрытия транспортных расходов и оказания помощи наличными или натурой в течение короткого периода по прибытии.

Реинтеграция включает обучение и / или поддержку в создании приносящей доход деятельности, жилье, медицинское обслуживание и психологическую поддержку по прибытии в страну возвращения. Реинтеграция является устойчивой, если она принимает во внимание социальные, психосоциальные и экономические аспекты возвращения человека в общину происхождения. Устойчивая реинтеграция направлена на поддержку не только отдельных лиц, но также структур и услуг, которые делают возможной реинтеграцию, таких как поиск работы, образование и профессиональная подготовка, поддержка предпринимательства или административные структуры. Это, в свою очередь, приносит пользу всему сообществу и может помочь устранить причины, которые в первую очередь побудили мигрантов уехать.¹

В новой Стратегии ЕС по добровольному возвращению и реинтеграции излагается широкий спектр мер по семи основным направлениям, объединяющим внутренние, внешние и оперативные аспекты добровольного возвращения и реинтеграции:

1. Более эффективная правовая и операционная база;
2. Эффективная координация между всеми заинтересованными сторонами;
3. Поддержка добровольного возвращения и реинтеграции мигрантов из третьих стран и между ними;
4. Эффективное консультирование и направление к специалистам по возвращению;
5. Обеспечение качества поддержки;
6. Повышение устойчивости поддержки реинтеграции и ответственности стран-партнеров;
7. Финансирование добровольного возвращения и реинтеграции.²

Институциональный механизм реализации включает широкий спектр инструментов. Принят пакет, включающий девять дополнительных инструментов (новый Регламент проверки, измененное предложение о пересмотре Регламента о процедуре предоставления убежища, измененное предложение о пересмотре Регламента EURODAC, новый Регламент об управлении предоставлением убежища и миграцией, новый Регламент о кризисных

¹ New EU Strategy on voluntary return and reintegration: Questions and Answers // https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_21_1932

² The EU strategy on voluntary return and reintegration // https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/default/files/pdf/27042021-eu-strategy-voluntary-return-reintegration-com-2021-120_en.pdf

ситуациях и обстоятельствах непреодолимой силы, новая Программа обеспечения готовности к миграции и кризисным ситуациям, новая Рекомендация по переселению и дополнительным путям допуска, новая Рекомендация по поисково-спасательным операциям для частных судов; новое Руководство по Директиве о посредниках);¹ усиление роли и полномочий Frontex (агентство Европейского союза по безопасности внешних границ); учреждение поста координатора по возвращению, для работы внутри ЕС и с третьими странами; увеличение финансовой и организационной поддержки странам происхождения в возвращении, реадмиссии и реинтеграции своих граждан и т. д.

В то же время ряд исследователей отмечает проблемы, которые могут возникнуть при реализации Стратегии. Так, К. ле Коз выделяет ряд негативных факторов. Во-первых, страны назначения и происхождения подходят к добровольному возвращению и реинтеграции с разных сторон. В то время как чиновники ЕК считают, что доверие к их системам миграции и убежища зависит от эффективности политики возвращения, страны происхождения часто крайне зависимы от денежных переводов и, следовательно, не склонны поддерживать любую форму возвращения. Во-вторых, страны происхождения обеспокоены тем, что возвращение мигрантов создаст трудности из-за усиления давления на рынок труда и предоставления государственных услуг. На сегодняшний день эти расхождения значительны и тормозят многие усилия европейских политиков по улучшению сотрудничества по возвращению со странами-партнерами. В-третьих, она обращает внимание на сугубо гуманитарный аспект, отмечая, что принудительное возвращение приводит к серьезному психологическому ущербу для некоторых репатриантов и неопределенным перспективам устойчивой реинтеграции.² Следует обратить внимание и еще на одну особенность. Так, Потемкина О. В., анализируя концепции многоуровневого управления в миграционной политике ЕС, подчеркивает, что «миграционные процессы в Европейском союзе регулируются сложными механизмами на местном, национальном, наднациональном и международном уровнях, что представляет собой типичный пример многоуровневого управления».³ В ходе такого рода институциональных взаимодействий неминуемо на различных его этапах будут возникать дисфункции, рассогласованность в деятельности, как отдельных институтов, так и во всей миграционной

¹ Отчет EASO о ситуации в сфере предоставления убежища за 2021 год Ежегодный отчет о ситуации в сфере предоставления убежища в Европейском союзе // https://easo.europa.eu/sites/default/files/EASO-Asylum-Report-2021-Executive-Summary_RU.pdf

² Camille Le Coz EU Strategy on Voluntary Return and Reintegration: Crafting a Road Map to Better Cooperation with Migrants' Countries of Origin // https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/mpi_eu-strategy-voluntary-return-reintegration_final.pdf

³ Потемкина О. Многоуровневое управление миграцией в европейском союзе // Современная Европа. 2020. №2, с. 102

политике.

Подведем некоторые итоги. Во-первых, твердая позиция ЕК заключается в том, что, несмотря на увеличение числа беженцев, прибывающих в Европу в последние годы, открытость Европы должна быть сохранена. Европейский подход к сокращению числа прибывающих в ЕС не должен осуществляться за счет обеспечения доступа к защите для тех, кто в ней нуждается. Беспрецедентный масштаб потоков мигрантов никоим образом не узаконивает эрозию основных прав и гуманитарных стандартов - особенно с учетом растущей тенденции антииммигрантского популизма в ЕС.

Во-вторых, после того как реформа общей политики предоставления убежища забуксовала, в сентябре 2020 года Комиссия предложила Новый пакт о миграции и убежище, который устанавливает более быстрые процедуры во всей системе убежища и миграции ЕС, включает пересмотр Дублинского постановления и предоставляет новые возможности того, как государства-члены могут проявить солидарность. Новая система миграции и убежища направлена на введение новой системы гибких взносов и обязательную солидарность со странами ЕС «первой» линии, когда они «находятся под давлением» прибывших. Предложение также направлено на открытие большего количества каналов для легальной миграции, содействие сотрудничеству со странами, не входящими в ЕС, и обеспечение более быстрого процесса предоставления убежища на границах, включая быстрое возвращение лиц, которым было отказано в убежище.

В-третьих, государства-члены Вишеградской группы, а также Эстония и Словения настаивают на неприемлемости ряда положений Нового пакта о миграции и убежище и выступают против миграции, переселения, «обязательной солидарности», квотирования. Общая позиция Вишеградской группы остается неизменной в отношении вопроса о суверенитете - любая схема управления миграцией, которая не будет полностью добровольной, предлагая пути отказа, будет и дальше рассматриваться как возможное нарушение их суверенитета.¹ Таким образом, в миграционной политике ЕС, несомненно, существует проблема совмещения принципов солидарности, и даже обязательности и справедливого распределения ответственности, суверенитет национальных государств.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Andrey V. Rybakov; Daniil A. Kvon Migratory crisis in the European Union: origin, characteristics and measures for countering it// <https://amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/43>
2. Форет И.В. Правовое регулирование миграции в Европейском Союзе // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8.

¹ New Pact on migration and Asylum joint position of Poland, Hungary, Slovakia, Czech Republic, Estonia and Slovenia // <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=457>

№ 10A. С. 112-118.

3. Потемкина О. Европейский Союз в ожидании пакта о миграции и убежище // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №4. (16). С. 71-77.

4. Потемкина О. Многоуровневое управление миграцией в европейском союзе // Современная Европа. 2020. №2. С. 100–110.

REFERENCES

1. Andrey V. Rybakov; Daniil A. Kvon Migratory crisis in the European Union: origin, characteristics and measures for countering it// <https://amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/43>

2. Foret I. V. Legal regulation of migration in the European Union [*Pravovoe regulirovanie migracii v Evropejskom Soyuze*]// Issues of Russian and international law. 2018. Volume 8. No. 10A. pp. 112-118.

3. Potemkina O. The European Union in anticipation of a pact on migration and asylum [*Evropejskij Soyuz v ozhidanii pakta o migracii i ubezishche*]// Scientific and Analytical Bulletin of the IE RAS. 2020. №4. (16). Pp. 71-77.

4. Potemkina O. Multilevel migration management in the European Union [*Mnogourovnevoe upravlenie migraciej v evropejskom soyuze*]// Modern Europe. 2020. No. 2. pp. 100-110.

АСПЕКТЫ

ASPECTS

*КУБЯКИН Евгений Олегович
доктор социологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
гуманитарных и социально-
экономических дисциплин,
Краснодарское высшее военное
училище имени генерала армии
С.М.Штеменко, Краснодар, Россия
tspopz@yandex.ru*

*KUBYAKIN Evgeny Olegovich
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor, Head of
the Department of Humanitarian
and Socio-Economic Disciplines,
Krasnodar Higher Military School
named after General of the Army
S.M.Shtemenko, Krasnodar, Russia
tspopz@yandex.ru*

*СКВОРЦОВ Игорь Петрович
доктор философских наук,
профессор, профессор,
Краснодарское высшее военное
училище имени генерала армии
С.М.Штеменко, Краснодар, Россия
igskvorcov@yandex.ru*

*SKVORTSOV Igor Petrovich
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor, Krasnodar Higher
Military School named
after General of the Army
S.M.Shtemenko, Krasnodar, Russia
igskvorcov@yandex.ru*

*ГУБАРЕВ Владислав
Владимирович
адъютант, Краснодарское высшее
военное училище имени генерала
армии С.М.Штеменко,
Краснодар, Россия
vladuha79@mail.ru*

*GUBAREV Vladislav
Vladimirovich
Adjunct, Krasnodar Higher
Military School named
after General of the Army
S.M.Shtemenko, Krasnodar, Russia
vladuha79@mail.ru*

Некоторые аспекты подготовки к гибридным войнам современности/ Some aspects of preparation for modern hybrid wars

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы сущности и содержания гибридных войн современности. Проведен анализ существующих точек зрения относительно актуальности применения понятия гибридной войны. Показаны особенности гибридных войн современности, условия, необходимые для успешной подготовки к ним. Сформулированы проблемы и высказаны предложения по повышению эффективности действий российского государства в условиях угроз гибридного характера.

Ключевые слова

Гибридная война; информационная война; национальная безопасность; цивилизация; культура.

Abstract

The article examines the essence and content of modern hybrid wars.

The analysis of the existing points of view regarding the relevance of the application of the concept of hybrid war is carried out. The features of modern hybrid wars, the conditions necessary for successful preparation for them are shown. Problems are formulated and proposals are made to improve the effectiveness of the actions of the Russian state in the face of hybrid threats.

Keywords

Hybrid war; information war; national security; civilization; culture.

Термин «гибридная война» в последнее время используется многими специалистами при описании различных событий, происходящих в мире и не попадающих под стандартные шаблоны вооруженного противоборства между государствами.¹ Развитие науки и техники, информационных и телекоммуникационных технологий, привело к тому, что «невоенная» составляющая противоборства между государствами начинает играть основную, а порой и определяющую роль.

В настоящее время для достижения государствами и иными субъектами поставленных политических, экономических, военных и иных целей уровень развития технических, информационно-технологических и информационно-психологических средств и технологий воздействий, способов и форм их применения позволяет вести войны без массового поражения населения и объектов инфраструктуры государства.

Начальником Генерального штаба Вооруженных сил РФ генералом армии В.В. Герасимовым сформулирована следующая установка: «Сегодня ВС РФ должны быть готовы защитить интересы государства в военном конфликте любого масштаба с широким применением противником как традиционных, так и гибридных методов противоборства»².

Очевидно, что военное руководство нашей страны использует современное понимание межгосударственного конфликта, оценивая роль военных действий в соотношении с политическими,

¹ См., например: Ильницкий А. Обеспечение интеллектуального лидерства – основа национальной безопасности // URL: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/291434/> (дата обращения: 31.05.21); Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnye-voyny-i-obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 27.05.21); Кабаченко А. М. Особенности ведения войны в современных условиях: характерные черты «гибридных» войн // URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d5c/osobennosti-vedeniya-voyny-v-sovremennyh-usloviyah.pdf> (дата обращения: 27.05.21); Бартош А.А. Смыслы гибридной войны // URL: <https://nic-pnb.ru/vneshnepoliticheskie-aspekty-bezopasnosti/smysly-gibridnoj-voyny/> (дата обращения: 27.05.21); Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // URL: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/138034> (дата обращения: 14.05.21).

² Герасимов В.В. По опыту Сирии // Военно-промышленный курьер. 2016. № 9 (624) // URL: <http://vpk-news.ru/articles/29579> (дата обращения: 14.05.21).

экономическими, информационными, гуманитарными и другими невоенными формами.

Термин «гибридная война» широко используется в научных дискуссиях, однако в открытых российских официальных документах и в выступлениях политиков и военных практически не встречается. Расплывчатость этого термина отмечается отечественными специалистами: «гибридная война» не является операциональным понятием. Это образная характеристика войны, она не содержит четких, однозначных показателей, раскрывающих ее конкретику. Понятие «гибридность» отражает существенные изменения характера современных войн, которые отличаются разноплановостью и многомерностью.¹

Отечественные авторы отмечают, что гибридность есть свойство любой войны, ввиду обязательных попыток применения воюющими сторонами всех имеющихся в их распоряжении сил. По своему содержанию «гибридная война» не является чем-то принципиально новым в военном искусстве, применяемые «гибридные действия» известны человечеству уже давно и относительно хорошо изучены. С древнейших времен известно, что противоборство между государствами включает в себя различные составляющие и вооруженное противоборство до последнего времени являлось ключевой из них.

Существует мнение о том, что в военно-профессиональном дискурсе на сегодня этот термин контрпродуктивен, а сосредоточение внимания и усилий на подготовке к гибридной войне чревато забвением инвариантных основ и принципов военной стратегии и тактики и, следовательно, не полной, односторонней подготовкой страны и армии к возможной войне. Традиционные войны обычно ведутся государственными армиями, а нетрадиционные – негосударственными субъектами. Гибридные же, в свою очередь, объединяют эти две формы в виде негосударственных субъектов с возможностями, свойственными государственным военным силам.²

Однако не все ученые и специалисты согласны с идеей отказа от изучения проблем, связанных с гибридизацией современных конфликтов. Гибридные войны, по их мнению – это совершенно новое явление, они становятся реальностью, которую трудно отрицать и которая актуализирует потребность изучения их сути и возможностей противодействия им в отстаивании национальных интересов Российской Федерации.³

¹ См. об этом: Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // URL: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/138034> (дата обращения: 14.05.21).

² Гибридная война: определение и призыв к действиям // URL: <https://lastday.club/gibridnaya-vojna-opredelenie-i-prizyv-k-dejstviyam/> (дата обращения: 15.05.21).

³ См, напрмер: Бартош А.А. Гибридная война: интерпретации и реальность // URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2016-09-16/1_war.html (дата обращения: 31.05.21); Кокوشин

При признании важности продолжения дискуссий относительно сущности и содержания гибридных войн необходимо учитывать, что реальным фактом является многосторонняя война, которая ведется против России с целью ее ослабления, дезинтеграции и переводе отдельных ее частей под внешнее управление. Особого размаха и изоционности сегодня достигли стратегии информационной войны, которые охватывают культурно-мировоззренческую и образовательную сферы. Развитие информационно-коммуникационных технологий. Их действие сказывается как на развитии всего мирового сообщества, так и на военных стратегиях.

Основываясь на результатах многолетней дискуссии, Лондонский Международный институт стратегических исследований в 2015 году предложил обладающее определёнными интегративными качествами определение термина «гибридная война»: «использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, используемых в дипломатических действиях, масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации, прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением».¹

На основе вышесказанного покажем некоторые особенности гибридных войн современности:

- воздействие на противника осуществляется не традиционными средствами поражения, а все больше экономическими, политическими, информационными и другими;
- высшие государственные лидеры не всегда осознают, что против них развернута и ведется настоящая война, происходящие события могут не интерпретироваться как враждебные действия;
- проигравшая сторона (народ) может не понимать, что война проиграна и государство действует в интересах другой страны;
- гибридные действия становятся даже не дополнением к использованию военной мощи, а их альтернативой;
- задача по уничтожению живой силы противника и объектов его инфраструктуры зачастую не ставится;
- непосредственного объявления войны может и не быть;
- вооруженные силы могут применяться в том случае, если недостаточно эффективно были использованы другие средства противоборства;
- важнейшие усилия при проведении гибридных войн направляются на «цветную революцию», процесс смены неугодной политической верхушки;

А.А. Вопросы прикладной теории войны. М.: Изд. Дом высшей школы экономики, 2019. С.97-108.

¹Цит. по: Ильницкий А. Обеспечение интеллектуального лидерства – основа национальной безопасности // URL: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/291434/> (дата обращения: 31.05.21).

- широко используются внутренние дестабилизирующие факторы, негативные процессы в социальной и экономической сфере, искусственно создается революционная ситуация;

- широко используются средства информационного и психологического воздействия на население страны;

- вооруженные силы государств, подвергнувшихся агрессии, в происходящие процессы не вовлекаются или вовлекаются минимально, так как противостояние происходит не в сфере вооруженного противоборства и др.

К числу основных проблем государства в гибридном противостоянии можно отнести:

- своевременное выявление факта начала гибридных действий против государства;

- определение сил и средств, необходимых для нейтрализации угрозы и активного противодействия агрессору.

- Как нам представляется, для успешного ведения гибридных действий необходимы:

- нормативно – правовая база, которая регламентирует данное направление деятельности, в том числе четкий понятийный аппарат;

- органы управления, наделенные соответствующими полномочиями, по управлению силами и средствами, привлекаемыми к ведению «гибридных действий».

- подготовленные специалисты, способные оперативно планировать и осуществлять не только военные, но и информационно-психологические, экономические, социальные и др. операции в рамках ведения «гибридных действий», что намного шире, чем обычное вооруженное противоборство.

В этой связи рассмотрим данные вопросы с точки зрения готовности Российской Федерации к гибридной войне.

1. Нормативно – правовая база.

Эффективное планирование и организация применения Вооруженных Сил Российской Федерации не может осуществляться без нормативно – правового фундамента.

В Федеральном законе Российской Федерации 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне» под обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории. В соответствии с этим же законом в целях обороны создаются Вооруженные Силы Российской Федерации и к обороне привлекаются войска национальной гвардии Российской Федерации.¹

Базовым документом Российской Федерации стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации,

¹ Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 N 61-ФЗ (последняя редакция) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/ (дата обращения: 03.06.21).

цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации.¹ В ней показано, что достижение стратегических целей обороны страны осуществляется в рамках реализации военной политики путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов. Остальные невоенные угрозы государственной и общественной безопасности государства при рассмотрении обороны не рассматриваются. Понятие гибридной войны в данном документе не применяется.

Военная доктрина Российской Федерации, представляющая собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации, к характерным чертам и особенности современных военных конфликтов относит, в том числе комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций. При этом к характерным чертам и особенностям современных военных конфликтов в Доктрине относятся, в том числе политические, экономические, информационные и иные меры невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций. Данное положение описывает основные составляющие гибридной войны.²

В соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. N 646, основными направлениями обеспечения информационной безопасности в области обороны страны, в том числе является также стратегическое сдерживание и предотвращение военных конфликтов, которые могут возникнуть в результате применения информационных технологий.³

Можно заметить, что основные нормативно-правовые акты Российской Федерации, определяющие государственную политику в сфере национальной безопасности, понятие «гибридной войны» не используют, оборона государства подразумевает под собой только меры по подготовке к вооруженной защите государства; политические, экономические, информационные и иные меры невоенного характера

¹О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 03.06.21).

²Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения: 03.06.21).

³Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения: 03.06.21).

рассматриваются в контексте военного конфликта.

Несмотря на отмеченную ранее сложность операционализации понятия гибридной войны, все же согласимся, что кумулятивный эффект военных приготовлений и подрывных информационных технологий формирует реальную угрозу национальной безопасности российского государства. Для структур обеспечения национальной безопасности важными организационными выводами из сложившейся угрожающей ситуации должно стать обеспечение адаптации доктринальных документов, личного состава ВС РФ и других силовых структур к изменяющемуся спектру угроз и наращивание мероприятий по военной подготовке при определяющей роли разведки с опорой как на новые технологии, так и гуманитарные и культурные инструменты. Важно на государственном уровне обеспечить выверенный баланс потенциалов «жесткой и мягкой силы».¹

2. Органы управления, наделенные соответствующими полномочиями, по управлению силами и средствами, привлекаемыми к ведению гибридных действий.

В настоящее время в Российской Федерации формально отсутствует структура, которая занималась бы решением задач в рамках «гибридного противодействия». Отдельные задачи и функции на стратегическом уровне возложены на Совет Безопасности Российской Федерации: формирование государственной политики в области обеспечения безопасности и контроль за ее реализацией; прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности, оценка военной опасности и военной угрозы, выработка мер по их нейтрализации; анализ информации о реализации основных направлений государственной политики в области обеспечения безопасности, о социально-политической и об экономической ситуации в стране; разработка и уточнение стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, а также критериев и показателей обеспечения национальной безопасности; осуществление стратегического планирования в области обеспечения безопасности и др.²

При Совете Безопасности Российской Федерации функционируют Межведомственные комиссии, в том числе по безопасности в экономической и социальной сфере, по военной безопасности, по информационной безопасности, по общественной безопасности, по проблемам стратегического планирования и другие. Среди их задач анализ состояния безопасности, прогнозирование, выявление и оценка угроз, подготовка предложений и рекомендаций Совету Безопасности

¹ Бартош А.А. Гибридная война: интерпретации и реальность // URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2016-09-16/1_war.html (дата обращения: 31.05.21).

² Положение о Совете Безопасности Российской Федерации: Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 7 марта 2020 г. N 175 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347217/382ed8c05e1f30948371b804df610806c900f6af/ (дата обращения: 31.05.21).

по выработке и реализации основных направлений государственной политики в области в обозначенной сфере.

Перечень задач и функций, возложенных на Совет безопасности, по большому счету, как показывает анализ, охватывает основные направления ведения гибридной войны, но данный орган не имеет функционально направленных подчиненных структур, что в условиях скоротечности происходящих в современном мире процессов может негативно сказаться на оперативности подготовки и принятии жизненно важных для государства решений.

В этой связи следует поддержать мнение о том, что одним из первоочередных шагов по совершенствованию способности России противостоять гибридной войне, прогнозировать эволюцию военно-политических ситуаций и осуществлять стратегическое планирование могло бы стать создание государственного центра, который занимается комплексными операциями с высокой долей информационно-пропагандистского компонента. В число функций следует включить отслеживание технологий использования гибридных войн и гибридных угроз как инструментов эскалации в целях стратегического неядерного сдерживания.¹

Более того, хотелось бы отметить отсутствие структур, ответственных за анализ, оценку, разработку мер в важнейшей сфере гибридных войн – сфере культуры, войне за смыслы существования цивилизаций, стран и народов. Вопросы о необходимости органов государства, которые ответственны за анализ ситуации в сфере цивилизационной состоятельности и выработку проектов будущего развития страны, за подготовку и использование специалистов по «войне цивилизаций» и ценностей – дискуSSIONEНЫ. Но их отсутствие в принципе на данный момент весьма показательно и заставляет задуматься.

3. Подготовленные специалисты в области гибридного противодействия.

На проблему отсутствия постоянно функционирующих органов, непосредственно решающих задачи по противодействию в «гибридной войне» даже на стратегическом уровне, накладывается проблема отсутствия специалистов в данной области. Не вызывает сомнения тот факт, что специалисты, анализирующие информацию и готовящие различного рода предложения в рамках функционирующих Межведомственных комиссий при Совете Безопасности, являются высококомпетентными в своих областях. Но вызовы настоящего времени требуют специалистов широкого профиля, способных анализировать ситуацию в комплексе, через призму ведения гибридных действий.

В заключение укажем несколько основных проблем, без решения которых, на наш взгляд, вряд ли возможно вести эффективные

¹ Бартош А. Гибридная война – угроза третьей ступени // URL: https://vpk.name/news/303105_gibridnaya_voina_ugroza_tretei_stupeni.html (дата обращения: 04.06.21).

действия в гибридной войне.

1. Требуется определить само понятие гибридной войны, установить, в каких сферах она ведется (принять, что в данной войне политические, экономические, идеологические, информационные, террористические формы и методы противостояния не являются дополнением военных, а зачастую становятся определяющими).

2. Основные доктринальные документы Российской Федерации (Федеральный закон «Об обороне», Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации) должны носить комплексный характер и учитывать весь спектр возможных конфликтов, в том числе и гибридной войны.

3. В существующем составе Вооруженные Силы Российской Федерации на данный момент имеют силы и средства для ведения вооруженного и частично информационного противоборства, но исходя из своей природы, ограничены в возможности вести именно «гибридную войну». Как следствие, возникает проблема наличия и эффективного функционирования структуры, способной координировать, планировать, организовывать, руководить и контролировать весь комплекс мероприятий по противоборству и ведению активных гибридных действий.

4. Одновременно с этим возникает необходимость подготовки специалистов соответствующей направленности, способных своевременно обнаруживать и вырабатывать меры по противодействию (нейтрализации) гибридных действий.

5. Одной из основных составляющей гибридной войны является война информационно-культурная, война ценностей, за умы, взгляды и настроения населения. При этом данная война ведется по всем направлениям современного информационного пространства (телевидение, радиовещание, Интернет, социальные сети, киноиндустрия). Принятый в официальной риторике тезис о самобытности российской цивилизации должен находить отражение в комплексной и скоординированной деятельности всех органов власти, структур гражданского общества по ее поддержке и реализации, активизации и содержательной наполненности работы с подрастающим поколением, с детьми и молодежью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 N 61-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/.

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 03.06.21).

3. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976) Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/.

4. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения: 03.06.21).

5. Герасимов В.В. По опыту Сирии // Военно-промышленный курьер. 2016. № 9 (624). Режим доступа: URL: <http://vpk-news.ru/articles/29579>.

6. Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны. Режим доступа: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/138034>.

7. Ильницкий А. Обеспечение интеллектуального лидерства – основа национальной безопасности. Режим доступа: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/291434/>.

8. Кабаченко А. М. Особенности ведения войны в современных условиях: характерные черты «гибридных» войн. Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d5c/osobennosti-vedeniya-voyny-v-sovremennyh-usloviyah.pdf>.

9. Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. М.: Изд. Дом высшей школы экономики, 2019. 227 с.

10. Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnye-voyny-i-obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii>.

REFERENCES

1. Federal Law "On Defense" [*Federal'nyj zakon «Ob oborone»*] of 31.05.1996 N 61-FZ (latest version). Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/.

2. On the National Security Strategy of the Russian Federation [*O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii*]: Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of 31.12.2015. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (accessed: 03.06.21).

3. Military Doctrine of the Russian Federation [*Voennaya doktrina Rossijskoj Federacii*] (approved by the President of the Russian Federation on 25.12.2014 N Pr-2976) Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/.

4. On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation [*Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii*]: Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 N 646. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (accessed: 03.06.21).

5. Gerasimov V. V. On the experience of Syria [*Po opytu Sirii*] // Military-industrial courier. 2016. No. 9 (624). Access mode: URL: <http://vpk-news.ru/articles/29579>.

6. Bartosh A. A. Strategy and counter-strategy of hybrid warfare [*Strategiya i kontrstrategiya gibridnoj vojny*]. Access mode: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/138034>.

7. Il'nitsky A. Ensuring intellectual leadership is the basis of national security [*Obespechenie intellektual'nogo liderstva – osnova nacional'noj bezopasnosti*]. Access mode: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/291434/>.

8. Kabachenko A.M. Features of warfare in modern conditions: characteristic features of "hybrid" wars [*Osobennosti vedeniya vojny v sovremennyh usloviyah: harakternye cherty «gibridnyh» vojn*]. Access mode:

<https://mgimo.ru/upload/iblock/d5c/osobennosti-vedeniya-voyny-v-sovremennyh-usloviyah.pdf>.

9. Kokoshin A. A. Questions of the applied theory of war [*Voprosy prikladnoj teorii vojny*]. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2019. 227 p.

10. Rodachin V. M. Hybrid wars and ensuring the national security of Russia [*Gibridnye vojny i obespechenie nacional'noj bezopasnosti Rossii*]. Access mode: URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnye-voyny-i-obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii>.

*РОЖКОВА Лилия Валерьевна
доктор социологических
наук, заведующий кафедрой
«Экономическая теория и
международные отношения»,
Пензенский государственный
университет, Пенза, Россия
mamaeva_lv@mail.ru*

*ROZHKOVA Liliya Valer'evna
doctor of sociology, head of
department «Economic Theory
and International Relations»
Penza State University,
Penza, Russia
mamaeva_lv@mail.ru*

*ДУБИНА Альбина Шагидулловна
кандидат социологических
наук, доцент, Пензенский
государственный университет,
Пенза, Россия
misurin@bk.ru*

*DUBINA Albina Shagidullovna
candidate of sociology, associate
Professor, Penza State
University, Penza, Russia
misurin@bk.ru*

Политические и экономические аспекты развития российско – китайских международных отношений на современном этапе/Political and economic aspects of the development of Russian-Chinese international rela- tions at the present stage

Аннотация

На протяжении четырех векового соседства Китайская Народная Республика и Российская Федерация взаимодействуют друг с другом с огромной широтой. Данное стратегическое партнерство занимает одно из важнейших мест в российской политике и экономике. Начиная с 2014 года по настоящее время РФ находится в крайне неустойчивом положении геополитической турбулентности за счет периодического введения международных санкций. Таким образом, за счет расширения потенциала Китая на мировой арене РФ принимает КНР как союзника, имеющего весомые ресурсы для помощи решения комплекса трудностей, возникших в экономической, внешнеполитической и других сферах. Однако, несмотря на различия в развитии хозяйственных систем, страны сохраняют стабильные и дружественные отношения.

В данной статье описана сущность и характер взаимодействия российско-китайских связей на современном этапе в экономико-политической сфере международных отношений.

Ключевые слова

Международные отношения; политика; международная экономика; российско-китайское сотрудничество; региональные связи; внешнеполитический курс России; стратегия развития экономики Китая.

Abstract

The People's Republic of China and the Russian Federation have been interacting with each other with great breadth for four centuries of their neighborhood. This strategic partnership occupies one of the most important places in Russian politics and economy. Since 2014, the Russian

Federation has been in an extremely unstable situation of geopolitical turbulence due to the periodic introduction of international sanctions. Thus, due to the expansion of China's potential on the world stage, the Russian Federation accepts the PRC as an ally with significant resources to help solve a complex of difficulties that have arisen in the economic, foreign policy and other spheres. However, despite the differences in the development of economic systems, the countries maintain stable and friendly relations.

This article describes the essence and nature of the interaction of Russian-Chinese relations at the present stage in the economic and political sphere of international relations.

Keywords

International relations; politics; international economy; Russian-Chinese cooperation; regional relations; Russia's foreign policy course; China's economic development strategy.

Несмотря на географическую близость, устойчивого развития межгосударственных взаимоотношений России и Китаю удалось достичь лишь с момента образования Российской Федерации в 1991 году. На протяжении последних 30 лет союз государств продолжает укрепляться. В настоящий момент можно резюмировать, что партнерские отношения находятся в лучшем состоянии за всю их историю существования¹.

Однако, в политико-экономических сферах сотрудничества российско-китайских международных отношений можно выделить некоторые характерные черты. Первой особенностью является историческая смена вектора силы влияния. Известно, что до распада СССР в международных взаимоотношениях двух держав, явным лидером выступал Советский Союз, за три десятилетия произошли кардинально изменения на геополитической карте мира. Сегодня, Китай превзошел не только Россию с точки зрения экономики, но и многие другие западные развитые страны, в том числе и США. Следующая особенность, это влияние Американского фактора. За долгий период мирового лидерства США с недоверием рассматривают КНР, как соперника, несмотря на экономическую выгоду в создании партнёрских отношений. На этом фоне РФ и Китай расширяют свое сотрудничество, одной из преследуемых целей которого является уменьшение политической и экономической зависимости от США и стран Запада. Российско-Китайская сторона стремиться разрушить однопольную систему и прийти к организации многополярного международного порядка. Ну и последняя особенность заключается в заметном сближении политических и экономических интересов стран

¹ Дубина, А.Ш. Исследование имиджевого сотрудничества России и Китая / А.Ш. Дубина, Д.И. Зябирова, М.А. Горшкова // Экономика и международные отношения: проблемы, тенденции, перспективы. Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Н.В. Рассказовой, Л.В. Рожковой. Пенза. – 2020. – С. 185–189.

с момента образования Российской Федерации¹.

На сегодняшний день, можно вполне уверенно утверждать, что российско-китайские отношения достигли наивысшего уровня. Первое тому доказательство - это урегулирование институционального политического сотрудничества, включая механизм взаимных визитов глав государств, систему регулярных визитов премьер-министра, консультации по стратегической безопасности, межправительственные комитеты сотрудничества. Например, за последние шесть лет президент Си встречался с президентом Путиным более 30 раз.

Во-вторых, две страны полностью решили пограничный вопрос. Китай и Россия имеют протяженную границу в 4374 километра. Пограничные споры были серьезной проблемой, влияющей на нормальное течение взаимоотношений между государствами. Однако осенью 2004 государства подписали двухстороннее соглашение «Дополнительное соглашение между КНР и Российской Федерацией по восточному участку китайско-российской границы», которое разрешило все оставшиеся пограничные вопросы. В 2005 году обмен ратификационными грамотами между двумя странами положил конец этому долгожданному историческому вопросу, устранив острые проблемы, которые веками наносили ущерб двусторонним отношениям.

И последнее, это гомогенность видения решения вопросов международных отношений. Исходя из этого обе страны придерживаются единой политической линии. Например, имея схожее представление в международной политике в отношении: северокорейского ядерного кризиса, проблем Ирака, а также участия в них ООН. Например, в 2001 году Китай и Россия совместно с некоторыми странами Центральной Азии создали Шанхайскую организацию сотрудничества. Посредством ШОС страны смогли распространить свое влияние на территории Европы и Азии, а также организовать структуру региональной безопасности.

Изначальная стратегия развития российско-китайских международных отношений давно вышла из рамок лишь дипломатических отношений, связи усложнились, переросли в более крепкие и надежные. Сегодня это: и политический; и военнотехнический, сопровождающееся экономическим и энергетическим сотрудничеством союз.

В начале марта 2021 года в период проведения традиционного съезда Всекитайского собрания народных представителей, высшего законодательного органа КНР, союзники определили стратегию развития страны на четырнадцатую пятилетку (2021-2025 годы).

¹ Кольцов П.М., Мургаев С.М., Умгаев С.А. Российско-китайское сотрудничество: экономические, институциональные, инвестиционные и торговые аспекты // *Via in tempore. История. Политология*. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskoe-sotrudnichestvo-ekonomicheskie-institutsionalnye-investitsionnye-i-torgovyie-aspekty> (дата обращения: 10.08.2021).

В течение следующих пяти лет Китай планирует принять меры для достижения двух стратегических целей: удвоить свой ВВП к 2035 году (по сравнению с 2020 годом) и достичь статуса страны с высоким уровнем дохода.

Помимо этого, в 2027-2028 годах вполне достижимым является обход Китаем США. Так, Китай имеет шанс завоевать статус крупнейшей страны мира по объему номинального ВВП. В то время как весь мир пытается оклематься от последствий пандемии и локдаунов, экономика Китая растет. Для РФ этот момент, с одной стороны, предоставляет новые возможности на китайском направлении, однако с другой – повышает риски асимметричной зависимости от Китая¹.

Приоритеты следующей китайской пятилетки дают России ряд преимуществ. Вполне возможно, что в КНР можно будет продавать больше природного газа. Но что касается трубопроводного газа, то китайский рынок все больше приобретает статус «рынка покупателя» – «Газпрому» с его уже запущенной «Силой Сибири» и планируемой «Силой Сибири-2» придется конкурировать с трубопроводами из Центральной Азии и Мьянмы.

Поставщики СПГ в Китай, включая российский «Новатэк», находятся в более выгодном положении, так как они обладают возможностью оперативно диверсифицировать поставки при изменении спроса в КНР.

Также, неплохо выглядят возможности и для поставщиков нефти в Китай. По оценкам The Oxford Institute for Energy Studies, по мере выхода экономики из кризиса, связанного с пандемией, Китай в целях энергетической безопасности станет наращивать закупки нефти, в особенности в период низких цен на рынке².

В долгосрочной перспективе распространение электромобилей и гибридных автомобилей в КНР может работать против нефти, что также является частью программы Пекина по созданию «новой инфраструктуры». Китай планирует увеличить долю автомобилей на новой энергии на 25% в продажах новых автомобилей к 2025 году.

Помимо регулярного российского экспорта в Китай углеводородов, металлов и удобрений, 14-я пятилетка открывает большие перспективы для отечественных фермеров. Качественный рост и развитие внутреннего потребления в КНР в ближайшие пять лет даст возможность улучшить пищевую промышленность России за счет поиска новых покупателей на китайском рынке. Экспорт российской сельхозпродукции в Китай в последние годы стремительно растет: если в 2015 году стоимость такого экспорта оценивалась в 1,2 миллиарда

¹ Севальнев В. В. Китайский вектор в современной внешней политике России: политико-правовой аспект // Сравнительная политика. – 2020. – №1. – С. 32-43.

² Dubina, A.Sh. The characteristic of Sino-Russian economic and trade cooperation / A.Sh. Dubina, Mu Ch. // Межкультурная коммуникация в современном мире. Сборник научных статей по материалам IX Международной научно-практической конференции иностранных студентов. Пенза. – 2021. – С. 282–285.

долларов, то в 2019 году, несмотря на колебания курса рубля, этот показатель достиг 3,1 миллиарда долларов.

Российский бизнес должен учитывать тот факт, что китайское население в следующие пять лет будет богатеть, а его потребительский выбор станет ещё более важным на мировой арене. Обширный гегемон в китайских городах-миллионерах начинает серьезнее подходить к вопросу качества еды, в связи с чем повышается интерес к употреблению наших отечественных продуктов питания, так как жители Китая считают их производство безопасным и свободным от применения химикатов и вредных биологически активных добавок.

Всё же, эффективность работы китайского рынка зависит от слаженной работы логистических схем. Для того, чтобы завоевать китайского потребителя, российским производителям продовольствия пройти не один тарифный и нетарифный барьер, а также тщательно продумать стратегию по маркетингу и продажам на китайском рынке.

Технологическая часть 14-й пятилетки плана КНР имеет большую значимость для РФ. На фоне борьбы за лидерство двух крупнейших и наиболее технологически развитых экономик мира, США и Китая. Де-юре по законам глобализации совместное сотрудничество могло бы создавать новые мировые стандарты, инновационные открытия, на которые бы ровнялись другие страны в области производства. Но, де-факто КНР сделал уклон в сторону национальной в сфере технологий и производства. Таким образом сохранив за собой стремление к лидерству и смещения сил свою сторону, сократив при этом зависимость от США.

Вашингтон пошел по тому же пути. Президент Джоозеф Байден в ответ на политику КНР подписал указ, согласно которому, было принято решение о возврате важных производственных схем обратно в Америку. Таким образом идея о создании единого технологичного пространства не была реализована. На мировой арене образовались два конкурентных технологических пласта между державами-гигантами США и КНР. Вероятнее всего, что страны будут придерживаться единых технологических стандартов в рамках Международной организации по стандартизации (ISO).

Принимая во внимание усиливающееся противостояние с Западом, РФ в основном нацелена на объединение с китайской технологической базой. Наиболее значимым этапом станет окончательное решение Кремля по вопросу дальнейшего использования оборудования и развития в РФ сети 5G, где на настоящий момент китайские производители выступают лидерами. Технологические гиганты Huawei и ZTE с большим приоритетом планируют расположить свои заводы на территории России в партнерстве с местными компаниями, в отличии от японских конкурентов Siemens или Nokia¹.

Для России предоставляется важным как сохранение возможности

¹ Фэнхуа. Л. Китайско-российское партнерство и стратегическое сотрудничество // Сравнительная политика. 2019. №2. - С. - 118-134.

выбора, доступа и применение разработок союзного государства, а также в ответ предлагать свои технологические решения, которые будут интересны и ценны китайской стороне.

Основной интерес для Китая представляет сфера военных технологий, но данная область начинает устаревать. Политика Китая в отношении военно-промышленного комплекса направлена на наращивание мощности в течении долгосрочного периода. Так, уже в начале 2000-х Китай пользовался современными образцами вооружений РФ, такими как самолеты Су-35 и систему С-400, а в настоящий момент Москва делится наиболее стратегическими технологиями – в частности, помогает Китаю разрабатывать систему раннего предупреждения о ракетном нападении.

Продажа самого инновационного оружия, о котором говорилось Владимиром Путиным в послании Федеральному собранию в 2018 году, пока не планируется. Самым верным способом сохранить позиции крупного импортера вооружений в Китай российские специалисты считают переход к совместной разработке вооружений, как например, сотрудничество России и Индии при производстве ракет Brahmos.

Проблемой является то, что даже общие разработки в наименее чувствительной сфере гражданского машиностроения имеют трудности. Например, запущенный КНР и РФ проект по совместной разработке широкофюзеляжного самолета пока не приносит впечатляющих результатов. Не заметно особых шагов в проекте по совместной разработке тяжелого вертолета.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день ситуативный подход, преобладающий в отношениях между РФ и КНР, приводит к важности формирования детальной стратегической модели обоюдного партнерства в его базовых сферах: военно-технической области, атомной энергетики, космоса, инноваций и др.

Несмотря на это, с практической точки зрения, стратегические отношения между странами происходит на дипломатическом, политическом, а также военно-техническом, экономическом и энергетическом уровне.

План развития КНР на 14-ю пятилетку (2021-2025) предоставляет России ряд перспектив на будущее. Так, например, возрастает вероятность увеличения продажи Китаю природного газа. Поставщики нефти в Китай тоже останутся в плюсе. По оценкам The Oxford Institute for Energy Studies, по мере выхода экономики из коронавирусного кризиса Пекин, в рамках энергетической безопасности, начнет наращивать закупки нефти, особенно в момент снижения цен на рынке. Для отечественных аграриев также открывается отличная возможность, связанная с качественным ростом и развитием внутреннего потребления в КНР. В ближайшие пять лет этот фактор может оказать помощь российской пищевой промышленности в поиске новых покупателей на китайском рынке.

Российско-китайское сотрудничество на современном этапе

достигло своей апогеи. Это можно подтвердить тем, что страны совместно развиваются в области информационно-коммуникационных технологий, в области военного сотрудничества, а также научно-технического и инновационного сотрудничества, в области медицины¹. Так, например, пандемия COVID-19 ещё больше укрепила сотрудничество между странами. Россия и Китай щедро предоставили друг другу срочно необходимые противоэпидемические материалы: медицинские маски, защитные костюмы, хирургические перчатки и термометры.

Так, в 1990-е годы российско-китайский товарооборот оценивался примерно в 5-7 млрд долларов в год. Он резко вырос в 2000 году, и уже к 2014 году перешел порог 95 млрд долларов. В 2018 году товарооборот между РФ и КНР вырос на 27,1 %, тем самым превысив 107 миллиардов долларов. С января по февраль 2020 года произошло увеличение на 5,6 %, а в 2021 году произошел рост российско-китайского товарооборота на 8,5 % в сравнении с таким же двухмесячным периодом прошлого года.

В 2016 году товарооборот между Россией и Китаем увеличился на 2,2% в годовом исчислении, составив те самым 69,52 миллиарда долларов. В 2017 данный показатель вырос на 20,8 %, до 84,07 млрд, в 2018-м – на 27,1 %, превысив 107 млрд, а в 2019 году – на 3,4 %, до 110,75 млрд долларов. В 2020 году товарооборот между Китаем и Россией снизился в связи с пандемией COVID-19 на 2,9 % по сравнению с аналогичным показателем 2019 года и достиг 107,765 млрд долларов. В том числе экспорт из КНР в РФ повысился на 1,7 % и составил 50,585 млрд долларов, российский импорт в Китай, наоборот, упал на 6,6 % до 57,18 млрд долларов².

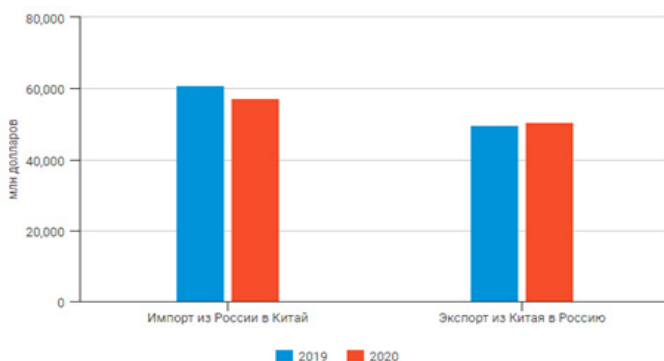

Рисунок 1. Экспорт и импорт между Россией и Китаем, 2019-2020 гг. [авторская разработка].

¹ Шадрина Р. И. Сравнительный анализ современного состояния экономик стран России и Китая // Евразийский Союз Ученых. Экономические науки. 2019. №10 (67). С. 54-57.

² Опубликована внешнеторговая статистика Китая за первый квартал 2021 года. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20210413/833449312.html. (дата обращения: 10.08.2021)

Относительно перспективы развития российско-китайских экономических отношений следует уточнить, что есть большая вероятность достижения величины прогнозируемых 200 млрд. американских долларов к концу 2024 году. Несмотря на позитивный прогноз, он может реализоваться в условиях реализации эффективной и грамотной финансовой и инвестиционной политики.

Такие тесные и дружеские отношения странам удается поддерживать по ряду причин, среди которых: определенная схожесть авторитарных режимов Китая и России создает благоприятные условия для сотрудничества по ряду важных политических вопросов, и в последние годы такое сотрудничество демонстрирует активный рост. Например, КНР последовательно поддерживает позицию Москвы по сирийскому конфликту. Также, Россия имеет значительную экономическую зависимость от Китая, о чем говорит нам увеличивающийся с каждым годом товарооборот между странами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дубина, А.Ш. Исследование имиджевого сотрудничества России и Китая / А.Ш. Дубина, Д.И. Зябирова, М.А. Горшкова // Экономика и международные отношения: проблемы, тенденции, перспективы. Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Н.В. Рассказовой, Л.В. Рожковой. Пенза. – 2020. – С. 185–189.

2. Опубликована внешнеторговая статистика Китая за первый квартал 2021 года. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20210413/833449312.html. (дата обращения: 10.08.2021)

3. Севальнев В. В. Китайский вектор в современной внешней политике России: политико-правовой аспект // Сравнительная политика. – 2020. – №1. – С. 32-43.

4. Фэнхуа. Л. Китайско-российское партнерство и стратегическое сотрудничество // Сравнительная политика. 2019. №2. С. 118-134.

5. Шадрин Р. И. Сравнительный анализ современного состояния экономик стран России и Китая // Евразийский Союз Ученых. Экономические науки. 2019. №10 (67). С. 54-57.

6. Dubina, A.Sh. The characteristic of Sino-Russian economic and trade cooperation / A.Sh. Dubina, Mu Ch. // Межкультурная коммуникация в современном мире. Сборник научных статей по материалам IX Международной научно-практической конференции иностранных студентов. Пенза. – 2021. – С. 282–285.

REFERENCES

1. Dubina, A. S. The study of image cooperation between Russia and China [*Issledovanie imidzhevogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya*] / A. S. Dubina, D. I. Zyabirova, M. A. Gorshkova // Economics and international relations: problems, trends, prospects. Collection of articles based on the materials of the IV All-Russian Scientific and Practical conference. Edited by N. V. Rasskazova, L. V. Rozhkova. Penza. - 2020. - pp. 185-189.

2. China's foreign trade statistics for the first quarter of 2021 are published [*Opublikovana vneshnetorgovaya statistika Kitaya za pervyj kvartal*]

2021 goda]. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20210413/833449312.html. (date of request:10.08.2021)

3. Sevalnev V. V. The Chinese vector in the modern foreign policy of Russia: political and legal aspect [*Kitajskij vektor v sovremennoj vneshnej politike Rossii: politiko-pravovoj aspekt*] // Comparative politics. - 2020. - No. 1. - pp. 32-43.

4. Fenghua. L. Sino-Russian partnership and strategic cooperation [*Kitajsko-rossijskoe partnerstvo i strategicheskoe sotrudnichestvo*] // Comparative politics. 2019. No. 2. pp. 118-134.

5. Shadrina R. I. Comparative analysis of the current state of the economies of Russia and China [*Sravnitel'nyj analiz sovremennogo sostoyaniya ekonomik stran Rossii i Kitaya*] // Eurasian Union of Scientists. Economic sciences. 2019. No. 10 (67). pp. 54-57.

6. Dubina, A.Sh. The characteristic of Sino-Russian economic and trade cooperation / A.Sh. Dubina, Mu Ch. // Intercultural communication in the modern world. Collection of scientific articles based on the materials of the IX International Scientific and Practical Conference of foreign students. Penza. - 2021. - pp. 282-285.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

IV Международная научно-практическая конференция «Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности». Материалы для участия принимаются до 20 августа 2021 г. включительно.

II Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов». Окончание срока приема документов для участия 4 июля 2021 г.

III Международная научно-практическая конференция «Передовое развитие современной науки как драйвер роста экономики и социальной сферы». Окончание срока приема материалов - 6 сентября 2021 г.

I Международная научно-практическая конференция «Роль культуры и искусства в социальном и гуманитарном развитии современного общества». Материалы для участия необходимо отправить до 23 сентября 2021 года (включительно).

XL Международная научно-практическая конференция «Eurasiascience». Окончание срока приема материалов - 30 сентября 2021 г.

XVII Всероссийская научно-практическая конференция «Инновационные исследования: опыт, проблемы внедрения результатов и пути решения». Прием материалов осуществляется до 13 августа 2021 г. включительно.

Международная научно-практическая конференция «Интеграция науки, общества, производства и промышленности: проблемы и перспективы». Для участия необходимо подать документы до 20 июля 2021 г. включительно.

III Международная научно-практическая конференция «Культурные и научно-образовательные стратегии по реализации национальных проектов - 2030». Заявки на участие и статьи для публикации принимаются до 04 октября 2021 г.

Третья международная научная конференция «История. Семиотика. Культура». Для участия в конференции необходимо выслать заявку и текст статьи до 20 сентября 2021 г.

Международная научно-практическая конференция «Государство и правовая система в условиях информационного общества». Завершение срока приема материалов - 29 сентября 2021 г.

XXXIX Международная научно-практическая конференция «Российская наука в современном мире». Материалы для участия в конференции принимаются до 15 июля 2021 года включительно.¹

¹ Подробности на сайте <http://www.kon-ferenc.ru>

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Материалы для публикации в журнале «П.О.И.С.К» необходимо предоставлять в редакцию в бумажной виде и электронном виде, или отправлять на адрес электронной почты (info@журналпоиск.рф) двумя файлами: текст статьи в WORD и отсканированную рецензии в PDF.

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. **Все знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисовочные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

В текстовом документе перед статьей обязательно должны быть:

– авторская справка на русском языке, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень и электронный адрес;

– аннотация объемом 10—15 строк на русском и английском языках;

– список 3—4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

Статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя

обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук).

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Научные статьи подписчиков журнала имеют приоритетное право публикации. Отвергнутые редколлегией статьи автору не возвращаются. Однако, по запросу автора, ему отправляется мотивированный отказ.

<https://www.rupoisk.net/>

RULES OF PUBLICATION:

Materials for publication in the journal "P.O.I.S.K" must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. **The manuscript should not exceed 10-12 pages.** Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. **All signs** that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. **The formulas** and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. **Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations** are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. **A numbered bibliography should not exceed 1 pp.** (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10-15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a

review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

<https://www.rupoisk.net/>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 4(87)
Июль-Август 2021 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский университет транспорта»

Издатель
РУТ (МИИТ)

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетель-
ство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210 от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.
Выходит 6 раз в год.
Цена свободная.

Адрес редакции
Тел.: +7 (499) 394-30-48
Для простых почтовых отправлений: 127994, г. Москва,
ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: abp-rut@yandex.ru
Сайт в интернете: www.rupoisk.net/